

Министерство образования Республики Беларусь
Белорусский государственный университет
Исторический факультет
Кафедра истории Беларуси нового и новейшего времени

СОГЛАСОВАНО
Заведующий кафедрой
_____ В. С. Макаревич
«16» июня 2023 г.

СОГЛАСОВАНО
Декан факультета
_____ А. Г. Кохановский
«27» июня 2023 г.

Основы регионоведения

Электронный учебно-методический комплекс для специальности:
6-05-0222-02 «Регионоведение»

Регистрационный № 2.4.2-24/385

Автор:

Репин В. В., кандидат исторических наук, доцент

Рассмотрено и утверждено на заседании Научно-методического совета БГУ
21.12.2023 г., протокол № 4.

Минск 2023

УДК 32.01(075.8)
Р 412

Утверждено на заседании Научно-методического совета БГУ
Протокол № 4 от 21.12.2023 г.

Решение о депонировании вынес:
Совет исторического факультета
Протокол № 9 от 27.06.2023 г.

А в т о р :

Репин Виталий Валерьевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории южных и западных славян факультета исторического БГУ.

Рецензенты:

кафедра правовых дисциплин филиала Российского государственного социального университета в г. Минске. (профессор Шевченко Кирилл Владимирович, доктор исторических наук, профессор);

Бригадина Ольга Васильевна, доцент кафедры истории России и Украины исторического факультета Белорусского государственного университета, кандидат исторических наук, доцент.

Репин, В. В. Основы регионоведения : электронный учебно-методический комплекс для специальности: 6-05-0222-02 «Регионоведение» / В. В. Репин ; БГУ, Исторический фак., Каф. истории Беларуси нового и новейшего времени. – Минск : БГУ, 2023. – 100 с. – Библиогр.: с. 98–100.

Электронный учебно-методический комплекс (ЭУМК) по учебной дисциплине «Основы регионоведения» предназначен для студентов специальности 6-05-0222-02 «Регионоведение». В ЭУМК содержатся материалы, способствующие более глубокому самостоятельному изучению теоретических основ регионоведения, как науки. Состоит из четырех разделов, включающих конспект лекций, тематику практических занятий и методические рекомендации к ним, список рекомендованной литературы.

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЯСНИТЕЛЬНАЯ ЗАПИСКА.....	4
1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ РАЗДЕЛ.....	7
1.1. КОНСПЕКТ ЛЕКЦИОННОГО КУРСА.....	7
1.1.1. Регионоведение в системе научных дисциплин.....	7
1.1.2. Теоретические подходы к изучению региональных процессов на макроисследовательском уровне.....	12
1.1.3. Теоретические подходы к изучению региональных процессов на микроисследовательском уровне.....	19
1.1.4. Идентичность как фактор региональных процессов.....	22
1.1.5. Политико-территориальное измерение региональных процессов.....	26
1.1.6. Модели регионального взаимодействия и сотрудничества.....	46
2. ПРАКТИЧЕСКИЙ РАЗДЕЛ.....	72
2.1. Методические рекомендации.....	72
2.2. Тематика практических занятий.....	74
3. РАЗДЕЛ КОНТРОЛЯ ЗНАНИЙ.....	77
3.1. Тематика рефератов.....	77
3.2. Задания для управляемой самостоятельной работы.....	81
4. ВСПОМОГАТЕЛЬНЫЙ РАЗДЕЛ.....	82
4.1. Содержание учебной дисциплины.....	82
4.2. Вопросы к зачету.....	96
4.3. Рекомендуемая литература.....	98
4.4. Электронные ресурсы:.....	100

ПОЯСНИТЕЛЬНАЯ ЗАПИСКА

Электронный учебно-методический комплекс по учебной дисциплине «Основы регионоведения» предназначен для студентов Белорусского государственного университета, обучающихся по специальности 6-05-0222-02 «регионоведение». Учебно-методический комплекс разработан в соответствии с действующими в Республике Беларусь нормативными и методическими документами. Он отражает комплексную характеристику ключевых междисциплинарных подходов, концепций и категорий, лежащих в основе научного изучения социальных, культурных, религиозных, лингвистических, демографических, экономических, политических и иных процессов на регионально-страновом уровне в исторической ретроспективе и на современном этапе.

Учебная дисциплина «Основы регионоведения» относится к модулю «Регионоведение» государственного компонента. Изучение ее проводится с учетом межпредметных связей и программ по дисциплинам: «Сравнительные региональные исследования и историко-типологическое районирование Беларуси», «История и теория международных отношений», «Международные и региональные организации», «Историко-социологические методы в регионоведении». Рассмотрение теоретических проблем регионоведения в комплексе с указанными дисциплинами позволяет сформировать у студентов целостное представление о специфике данной области знания и его соотношении с другими науками в междисциплинарной перспективе.

Основная **цель** учебной дисциплины «Основы регионоведения» – комплексная характеристика ключевых междисциплинарных подходов, концепций и категорий, лежащих в основе научного изучения социальных, культурных, религиозных, лингвистических, демографических, экономических, политических и иных процессов на регионально-страновом уровне в исторической ретроспективе и на современном этапе.

Задачи учебной дисциплины:

1. Формирование системы знаний по эволюции моделей региональных исследований и развитие умений осмысливать понятие "регион" и региональные процессы в пространственно-временных координатах социальной реальности.

2. Создание устойчивого представления об макро- и микро-исследовательских уровнях региональных процессов и умение подбирать соответствующий методологический инструментарий для их характеристики как локальных историко-культурных конструктов, так и в контексте межрегионального взаимодействия и глобальных процессов.

3. Развитие навыков аргументированно формулировать позицию по вопросам экспертной компетенции специалиста-региоведа.

Освоение учебной дисциплины «Основы регионоведения» должно обеспечить формирование следующих компетенций :

универсальные компетенции:

УК-4. Работать в команде, толерантно воспринимать социальные, этнические, конфессионные, культурные и иные отличия.

УК-6. Проявлять инициативу и адаптироваться к изменениям в профессиональной деятельности.

УК-10. Выявлять и анализировать основные этапы, факторы и закономерности исторического развития общества для формирования гражданской позиции.

базовые профессиональные компетенции:

БПК-2. Составлять комплексную характеристику изучаемого региона, исходя из его исторических, географических, политических, социальных, экономических, демографических, этнических, религиозных, культурных, лингвистических и иных особенностей.

БПК-3. Применять на практике методологический инструментарий изучения региональных событий, явлений и концепций в национальном, межрегиональном и глобальном контекстах.

В результате освоения учебной дисциплины студент должен:

знать: методологические основы регионоведческой науки; базовые подходы к ее определению в спектре междисциплинарном спектре политических, экономических, географических, исторических и социо-культурных дисциплин; ключевые категории, связанные с понятийным аппаратом регионоведческой науки; системы регионального ранжирования и модели взаимодействия между регионами разных уровней.

уметь: осуществлять этапы регионоведческого исследования, формулировать и аргументировать подходы к исследованию изучаемого региона; уметь определять атрибутивные параметры исследуемого региона и давать им оценку. формулировать мнение по актуальным вопросам и проблемам регионоведческих исследований.

владеть: базовыми научно-теоретическими знаниями для решения теоретических и практических задач; системным и сравнительным анализом; исследовательскими навыками, междисциплинарным подходом для решения изучаемых проблем.

Учебная дисциплина изучается студентами 1 курса дневной формы получения образования в первом семестре. Всего на изучение учебной дисциплины «Основы регионоведения» отведено:

– в очной форме получения общего высшего образования: 100 часов, в том числе 50 аудиторных часов, из них: лекции – 26 часов, семинарские занятия – 20 часов, управляемая самостоятельная работа – 4 часа (ДО).

Учебный план предусматривает такую форму отчетности как зачет.

Трудоемкость учебной дисциплины составляет 3 зачетные единицы.

ЭУМК состоит из четырех разделов: теоретического, практического, раздела контроля знаний, вспомогательного. Теоретический раздел включает курс лекций по отдельным темам курса в соответствии с программой. В

практический раздел входят материалы по проведению семинарских занятий. Раздел контроля знаний состоит из примерных заданий для управляемой самостоятельной работы студентов и примерного перечня вопросов к зачету. Во вспомогательном разделе представлены содержание учебной программы курса и список рекомендуемой литературы.

1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ РАЗДЕЛ

1.1. КОНСПЕКТ ЛЕКЦИОННОГО КУРСА

1.1.1. Регионоведение в системе научных дисциплин

Регионоведение – направление в социальных науках, занимающееся междисциплинарными исследованиями, посвященным конкретным географическим регионам или культурно определенным областям. Наиболее крупные научные сообщества в этом отношении сосредоточены на исследованиях Азии, Африки, Латинской Америки и Ближнего Востока, а также на различных субполях (исследования Юго-Восточной Азии, Карибского бассейна и т.д.). Как правило, планы учебных специальностей по регионоведению опираются на такие дисциплины, как политология, история, социология, этнология, география, лингвистика, литература и культурология.

Сегодняшние региональные исследования можно рассматривать как берущие свое начало в колониальной экспансии европейских держав в XVIII веке и сопутствующих ей академических попытках лучше понять языки, культуры и социальные организации колонизированных народов. В этом смысле регионоведение возникло как продукт имперской науки, часто движимое коммерческими и политическими интересами или предполагаемой цивилизаторской миссией колониальных держав. В то же время изучение древних цивилизаций, этнических кодов, социальных иерархий, иностранных языков было частью гораздо более широкого процесса распространения западной науки по всему миру. Если в середине XVIII века в европейских столицах наряду с сокровищами и предметами искусства «экзотических» цивилизаций в государственных музеях стали выставляться предметы искусства древних цивилизаций, то в XIX веке в европейских университетах появились колониальные исследования.

В США междисциплинарные центры по изучению территорий впервые появились после Первой мировой войны, а мощный импульс они получили после Второй мировой войны, связанной с превращением США в глобальную державу. Более глубокое понимание обществ Азии, Африки, Ближнего Востока и Латинской Америки стало актуальным в условиях соперничества между конкурирующими сверхдержавами в холодной войне, которые искали себе союзников и сторонников на местах, особенно в развивающихся странах. (Аналогичный, обусловленный соображениями безопасности, стимул к изучению иностранных культур вновь проявился после терактов 11 сентября 2001 г.).

Работы немецкого географа Александра фон Гумбольдта в XIX веке стали предтечей территориальных исследований. Позднее возникло критическое направление, открыто осуждающее колониальную практику. Это направление подчеркивало уважение к другим культурам, оспаривало мнимую универсальность западного мировоззрения и европоцентризм, присущий

теориям, претендующим на общезначимость, и выступало за взаимное обучение вместо одностороннего копирования западных социальных и политических моделей. Несмотря на это, общим наследием всех направлений региональных исследований является то, что они почти всегда ссылаются на «другие» области. Не существует «германских исследований» в Германии или «американских исследований» в США.

Особую озабоченность в области региональных исследований вызывает точное территориальное разграничение исследуемых «территорий», тем более с учетом акцента на транснациональных и трансрегиональных взаимосвязях, который стал заметен после начала XXI века. Уместно ли, например, что африканистика чаще всего занимается исключительно Африкой к югу от Сахары? Иначе говоря, является ли Северная Африка частью как африканских, так и арабских исследований? Какие последствия для понимания региона имеет выбор между «арабским миром» и «исламским миром» – акцент на этнической принадлежности или акцент на религии? Имеет ли смысл объединять исследования Юго-Восточной Азии, Центральной Азии и Южной Азии под названием «азиатские исследования»? Интеллектуальные дискуссии по этим вопросам ведутся постоянно, но сохранение существующих классификаций свидетельствует о том, что они продолжают служить основой для производства смысла.

Критика региональных исследований исходила из самих изучаемых регионов, что наиболее заметно в дискуссии об «ориентализме», начавшейся после публикации книги Эдварда Саида «Ориентализм» (1978) – влиятельной критики западных представлений о «Востоке». Зональные исследования, согласно этой критике, выражают империалистическое и снисходительное мировоззрение в отношении «другого». Таким образом, объект исследования должен был быть переопределен, и требовалась полная перестройка производства академических исследований незападных обществ. Постколониальные исследования возникли как конкурирующая парадигма исследований, которая подвергла резкой критике основные западные академические подходы как часть международной системы господства, преемственной по отношению к колониальному прошлому. Постколониалистские подходы, хотя и получили наибольшее распространение в теории литературы и культурологии, затрагивают также социальные и политические науки.

Проблема места регионоведения как области знания в системе общественных наук активно исследуется с 1990-х годов. Именно в это время в западных академических кругах формируется дискурс концептуального кризиса в регионоведении, необходимости деконструкции и реконструкции регионального знания и, соответственно, реконцептуализации этой области знания. Отметим попытки поиска «новой миссии» регионоведения в XXI веке такими авторами, как Р. Бейтс, Г. Куйпер, Д. Лудден, Дж. Хаберсон, Д. Шантон, В. Шафер и др. Что касается российских исследований, на сегодняшний день

можно констатировать нехватку интереса со стороны отечественных авторов к проблеме выработки новых подходов к регионоведению. С одной стороны, данный факт в определенной степени закономерен, поскольку регионоведение как область знания является продуктом западной интеллектуальной мысли. Концептуализация регионоведения, становление этой области знаний и ее активное продвижение и финансирование происходили именно на Западе (в первую очередь, в США). В. Шафер отмечает, что появление и распространение регионоведения как академической дисциплины было стремительным. Такой успех в западных странах не удалось повторить ни гендерным исследованиям, ни исследованиям об окружающей среде, ни другим подобным академическим дисциплинам. С другой стороны, регионоведение как область знания изначально обладало стратегической значимостью, ведь прагматическая цель регионоведения состояла в изучении стран – стратегических соперников, а также регионов, представляющих жизненный интерес для политики и экономики страны. С этой точки зрения, значимость регионоведения для национального государства определяется наличием в мире потенциально опасных или политически напряженных регионов, а также регионов, конкурирующих в определенных сферах экономики или находящихся в зонах жизненных интересов страны. Безусловно, изучение таких регионов необходимо, что и определяет актуальность знания о регионе (регионоведения). Именно поэтому, на наш взгляд, существует потребность в исследовании указанной проблемы отечественными авторами.

Если значимость регионального знания в современном мире сохраняется, чем же обусловлена необходимость реконцептуализации регионоведения? Она вызвана целым рядом факторов, которые можно определить как современные вызовы регионоведению:

1. Окончание «холодной войны». Известно, что основной геополитической мотивацией для возникновения зарубежного регионоведения как академической дисциплины послужила «холодная война», в ходе которой возникла необходимость сбора и изучения информации по стратегическим соперникам. Безусловно, сыграла роль и интеллектуальная мотивация, а именно, недостаток, отсутствие знаний о других регионах мира либо же их фрагментарность, иными словами, отсутствие комплексного знания о регионе. Тем не менее, общепризнано, что геополитическая мотивация возникновения зарубежного регионоведения была основополагающей. Очевидно, что зарубежное регионоведение в XX веке концептуализировалось как стратегическая дисциплина, обладающая выраженной геополитической целью. Кроме того, в то время как ряд общественных наук (академических дисциплин) производят знания для рынка, регионоведение изначально и до сих пор связано с национальным государством, то есть производит знание для государства. С окончанием «холодной войны» в 1990-е годы первоначальная цель, стратегическая «миссия» регионоведения оказывается утрачена. Именно это

признается основной, хотя и не единственной, причиной, повлекшей необходимость реконцептуализации данной области социального знания.

Значимость регионоведения для национального государства определяется наличием в мире потенциально опасных или политически напряженных регионов, а также регионов, конкурирующих в определенных сферах экономики или находящихся в зонах жизненных интересов страны.

2. Усиление процессов глобализации (новый глобализм). «Размытие» границ, трансформация парадигмы национальных государств влекут за собой определенное методологическое устаревание подходов и принципов, используемых в регионоведении ранее.

3. Развитие современных социологических теорий. Для регионоведения вызов заключается в том, что активно развиваемые во второй половине XX века социологические теории не ориентированы на учет локальных (региональных) особенностей. Современные социологические теории игнорируют региональные и культурные различия, претендуя на универсальный, единообразный подход к любому региону мира, и тем самым нивелируют значимость регионального знания. Так, теория рационального выбора использует формальные модели и применима для анализа любого типа поведения (потребительского, электорального и т.д.) в любом регионе мира, без учета региональных и культурных особенностей.

Указанные выше факторы определили необходимость выработки ответов на поставленные вызовы, а в связи с наличием целого ряда таких факторов – потребность в реконцептуализации регионоведения. В академических кругах сформировалась оживленная дискуссия по поводу стратегических направлений дальнейшего развития регионоведения как области знания. Вопрос по-прежнему остается открытым, однако, на наш взгляд, наметилась общая траектория концептуализации и развития регионоведения в XXI веке, связанная непосредственно с рядом уникальных черт этой области знания. Такие черты рассматриваются как преимущества, обуславливающие наличие у регионоведения потенциала для ответа на вышеописанные концептуальные и методологические вызовы.

Во-первых, регионоведение обладает такой чертой, как трансдисциплинарность. «Трансдисциплинарность» – это относительно новое понятие. Трансдисциплинарными называют исследования, характеризующиеся как развитым внутренним сотрудничеством (взаимодействие между экспертами в разных дисциплинах), так и развитыми внешними коммуникациями (взаимодействие между академиками и значимыми акторами внешнего мира). В качестве акторов внешнего мира для регионоведения выступают государственные органы власти, негосударственные некоммерческие компании, бизнес, гражданское общество. Взаимодействие с ведущими политическими, экономическими и социальными субъектами, помимо прочего, останавливает регионоведение от превращения в «вещь в себе», производства знаний для своей узкой сферы, а специалистов-регионоведов – удерживает от отрыва от

действительности. Необходимость сотрудничества экспертов в разных отраслях знания обусловлена и самой междисциплинарной направленностью регионоведения, и осознанным выдвиганием междисциплинарности как одного из важнейших достоинств данной области. В связи с междисциплинарным и трансдисциплинарным характером регионоведения И. Валлерстайн назвал его «возможно, самой заметной академической инновацией после 1945 года». Помимо того, что регионоведение является междисциплинарной областью знания по определению, эта область, как отмечал И. Валлерстайн, преодолевает ограничения классических западных антиномий (противостояние прошлого и настоящего, цивилизованного и варварского и т.д.). Междисциплинарность, будучи модной тенденцией в образовании, привлекательна для абитуриентов, избирающих регионоведение в качестве направления своего обучения в вузе, ведь оно дает возможность изучить не только иностранные языки (обязательный компонент зарубежного регионоведения), но и различные аспекты культуры, политики, экономики изучаемой страны (региона). Также регионоведение объединяет в совместной работе специалистов разных сфер общественных наук (историков, экономистов, социологов, политологов и т. д.). Такое междисциплинарное сотрудничество видится весьма перспективным в свете последних тенденций развития академической мобильности и комплексных проблемно-ориентированных исследовательских проектов.

Во-вторых, тенденции нового глобализма можно рассматривать не только как вызов, но и как возможность развития регионоведения, расширения его границ. Так, по мнению Д. Луддена, перспективным направлением для регионоведения может стать интеграция его с исследованиями глобализации. Данное направление видится логичным в свете того, что глобализацию и регионализацию принято рассматривать как контрнаправленные и взаимообусловленные процессы. Предложенная концепция позволяет проводить сравнительные исследования глобальных проблем в локальных контекстах и наоборот. Сегодня, на наш взгляд, активно проводятся исследования глобальных проблем в локальных контекстах (например, проявления глобализации в конкретных регионах мира), в то время как исследование локальных проблем в глобальном контексте требует дальнейшей разработки методологии.

Таким образом, регионоведение как область знания переживает на сегодняшний день значительную трансформацию. Присущие регионоведению уникальные особенности, такие как трансдисциплинарность, а также возможность интеграции глобального и локального видения, составляют стратегический потенциал данной дисциплины и обеспечивают ей место в системе общественных наук. Более того, в контексте стратегически важных задач именно локальное знание может обретать первостепенное значение.

1.1.2. Теоретические подходы к изучению региональных процессов на макроисследовательском уровне

1.1.2.1. Геополитические подходы к изучению регионов

На уровне международных отношений геополитика – это метод изучения внешней политики с целью понимания, объяснения и прогнозирования международного политического поведения через географические переменные. К ним относятся краеведение, климат, топография, демография, природные ресурсы и прикладная наука оцениваемого региона.

Геополитика фокусируется на политической власти, связанной с географическим пространством, в частности, с территориальными водами и сухопутной территорией во взаимосвязи с дипломатической историей. Тематика геополитики включает в себя отношения между интересами международных политических акторов, сосредоточенными в пределах области, пространства или географического элемента, отношения, которые создают геополитическую систему. Критическая геополитика деконструирует классические геополитические теории, показывая их политические/идеологические функции для великих держав.

По мнению Кристофера Гогвилта и других исследователей, в настоящее время этот термин используется для обозначения широкого спектра понятий, в общем смысле – как «синоним международных политических отношений», но более конкретно – «для обозначения глобальной структуры таких отношений»; такое использование опирается на «термин начала XX века для псевдонауки политической географии» и других псевдонаучных теорий исторического и географического детерминизма.

Альфред Тайер Мэхэн (1840–1915 гг.) часто выступал экспертом по вопросам мировых военно-морских стратегических и дипломатических проблем. Мэхэн считал, что национальное величие неразрывно связано с морем, особенно с его коммерческим использованием в мирное время и контролем над ним во время войны. Теоретическую основу Мэхэн взял у Антуана-Анри Жомини, подчеркнув, что контроль над морем обеспечивается за счет стратегически важных мест (таких, как дрейфующие суда, каналы и военно-морские базы), а также за счет количественно измеримой боевой мощи флота. Он предложил шесть условий, необходимых для того, чтобы государство обладало морской мощью: выгодное географическое положение; наличие удобной береговой линии, богатых природных ресурсов и благоприятного климата; обширность территории; население, достаточно многочисленное для защиты своей территории; общество, склонное к мореплаванию и коммерческой деятельности; правительство, обладающее влиянием и склонностью к господству на море.

Мэхэн выделял ключевой регион мира в евразийском контексте – Центральную зону Азии, лежащую между 30 и 40° северной широты и простирающуюся от Малой Азии до Японии. В этой зоне в его время сохранились независимые государства – Турция, Персия, Афганистан, Китай, Япония. Мэхэн рассматривал эти страны, расположенные между Великобританией и Россией, как

бы между «Сциллой и Харибдой». Из двух мировых держав – Британии и России – именно последняя представлялась Мэхэну более угрожающей для судьбы Центральной Азии.

Видение Николаса Дж. Спайкмена о Евразии получило убедительное подтверждение: «В геополитическом плане Америка – это остров у берегов огромной суши Евразии, ресурсы и население которой значительно превосходят ресурсы и население США. Доминирование одной державы в одной из двух основных сфер Евразии – Европе и Азии – остается хорошим определением стратегической опасности для Америки. Ведь такой союз будет способен превзойти Америку в экономическом и, в конечном счете, в военном отношении. Этой опасности придется противостоять, даже если доминирующая держава будет внешне благожелательной, поскольку, если ее намерения изменятся, Америка обнаружит, что возможности эффективного сопротивления сильно уменьшились и она все больше не в состоянии влиять на ход событий». Главный интерес американских лидеров – сохранение баланса сил в Евразии.

Среди британских авторов первым термин геополитика ввел в английский язык австро-венгерский историк Эмиль Райх (1854–1910), еще в 1902 г., а затем опубликовал в Англии в 1904 г. в своей книге «Основы современной Европы».

Теория хартленда Хэлфорда Макиндера первоначально не привлекла особого внимания за пределами мира географии, однако некоторые мыслители утверждают, что впоследствии она оказала влияние на внешнюю политику мировых держав. Те ученые, которые рассматривают Макиндера через призму критики, считают его органичным стратегом, который пытался построить внешнеполитическую концепцию Великобритании на основе европоцентристского анализа исторической географии. Его формулировка теории хартленда была изложена в статье «Географический стержень истории», опубликованной в Англии в 1904 году. Доктрина геополитики Макиндера включала концепции, диаметрально противоположные представлениям Альфреда Тайера Мэхэна о значении военно-морского флота (он ввел термин «морская мощь») в мировом конфликте. Он рассматривал военно-морской флот как основу империи колумбовой эпохи (примерно с 1492 года по XIX век), а XX век предсказывал как область сухопутной власти. Теория хартленда предполагала создание огромной империи на территории Евразии, которой для сохранения целостности не нужно будет использовать ни прибрежный, ни трансокеанский транспорт. Основные положения доктрины Макиндера предполагают рассмотрение географии Земли как разделенной на две части: Мировой остров или Ядро.

Макиндер полагал, что промышленные центры Периферии обязательно должны быть расположены на большом расстоянии друг от друга. Мировой остров мог послать свой флот, чтобы уничтожить каждый из них по очереди, и мог разместить свои собственные промышленные предприятия в регионе, расположенном дальше вглубь страны, чем Периферия (чтобы до них было труднее добраться, и чтобы они столкнулись с хорошо укрепленным промышленным бастионом). Макиндер назвал этот регион хартленд. По сути, он включал в себя

Центральную и Восточную Европу. Понятие геополитики Макиндер подытожил, сказав: Кто управляет Центральной и Восточной Европой, тот управляет хартлендом. Кто управляет хартлендом, тот управляет мировым островом. Кто управляет мировым островом, тот управляет миром.

Николас Дж. Спайкмен был одновременно последователем и критиком геостратегов Альфреда Мэхэна и Хэлфорда Макиндера. Его работы основывались на предположениях, сходных с предположениями Макиндера, включая единство мировой политики и мирового моря. Он расширяет это понятие, включая единство воздушного пространства. Спайкмен принимает деление мира Макиндера, переименовывая некоторые из них: хартленд, римленд (аналог макиндеровского «внутреннего или окраинного полумесяца», также промежуточный регион, лежащий между хартлендом и окраинными морскими державами); и находящиеся за пределами мирового острова острова и континенты («внешний или островной полумесяц» Макиндера).

Фридрих Ратцель (1844–1904) под влиянием таких мыслителей, как Ч. Дарвин и зоолог Эрнст Генрих Геккель, внес вклад в развитие геополитики, расширив биологическую концепцию географии, отказавшись от статичного представления о границах. Полагая, что государства органически развиваются и растут, а границы представляют собой лишь временную остановку в их движении, он считал, что расширение границ государства является отражением здоровья нации, т.е. статичные, нерасширяющиеся страны находятся в упадке. Ратцель опубликовал несколько работ, в том числе эссе «Жизненное пространство» «Lebensraum» (1901), посвященное биогеографии. Ратцель создал основу для немецкого варианта геополитики. Под влиянием американского геостратега Альфреда Тайера Мэхэна Ратцель писал о стремлении Германии к военно-морскому превосходству, соглашаясь с тем, что морская мощь самодостаточна, так как прибыль от торговли окупает торговый флот, в отличие от сухопутной мощи.

Геополитическая теория Ратцеля подвергалась критике как слишком широкая, а его интерпретация человеческой истории и географии – как слишком простая и механистическая. Критикуют и то, что он недооценивал значение социальной организации в развитии власти.

Критика геополитических подходов. Негативные ассоциации с термином «геополитика» и его практическим применением, вызванные его ассоциацией со Второй мировой войной и предвоенной Германией, в значительной степени характерны для области академической географии, и особенно для таких субдисциплин географии, как политическая география. Однако эта негативная ассоциация не столь сильна в таких дисциплинах, как история или политология, в которых используются геополитические концепции. Классическая геополитика является важным элементом анализа для военной истории, а также для таких дисциплин политической науки, как международные отношения и исследования безопасности. Это различие дисциплинарных перспектив рассматривается Бертом Чепменом в книге «Геополитика: руководство по основам», в которой Чепмен отмечает, что академические и профессиональные журналы по международным

отношениям более благосклонны к изучению и анализу геополитики, и в частности классической геополитики, чем современные академические журналы в области политической географии.

Французские геополитические доктрины в целом противоположны немецкой геополитической традиции и отвергают идею фиксированной географии. Французская география ориентирована на эволюцию полиморфных территорий, являющихся результатом действий человечества. Она также опирается на рассмотрение длительных временных периодов за счет отказа от учета конкретных событий. Этот метод был теоретически обоснован профессором Ивом Лакостом в соответствии с тремя принципами: Репрезентативность, Диахрония и Диатопия.

Еще в работе «Дух законов» Монтескье изложил точку зрения, согласно которой человек и общество зависят от климата. Он считал, что жаркий климат порождает вспыльчивых людей, а холодный – отчужденных, в то время как мягкий климат Франции идеально подходит для политических систем. Элиз Реклю, считающийся одним из основоположников французской геополитики, является автором книжной академической серии, считающейся эталоном современной географии. Как и Ратцель, он рассматривает географию с глобальной точки зрения. Однако, в полную противоположность взглядам Ратцеля, Реклю считает, что география не является неизменной, она должна эволюционировать соразмерно развитию человеческого общества.

Первым теоретиком геополитики во Франции считается французский географ и геополитик Жак Ансель (1879–1936), прочитавший цикл лекций в Европейском центре Фонда Карнеги за международный мир в Париже и опубликовавший в 1936 г. книгу «Геополитика». Как и Реклю, Ансель отвергает немецкие детерминистские взгляды на геополитику (в том числе доктрины Хаусхофера).

Широкий взгляд Ф. Броделя отразился в использовании идей других социальных наук, он применял концепцию длительного времени и преуменьшал значение конкретных событий. Этот метод был вдохновлен французским географом Полем Видалем де ла Блашем. Метод Броделя заключался в анализе взаимозависимости между людьми и окружающей их средой. Видалевская геополитика основана на разнообразных формах картографии и на POSSИБИЛИЗМЕ (основанном на социетальном подходе к географии – т.е. на принципе полиморфности пространств, зависящих от многих факторов, среди которых человечество, культура, идеи) в противовес детерминизму.

Из-за влияния немецкой традиции на французскую геополитику последняя долгое время была изгнана из академических работ. В середине 1970-х годов Ив Лакост, французский географ, непосредственно вдохновленный Анселем, Броделем и Видалем де ла Блашем, написал в 1976 г. книгу «География, которая в первую очередь используется для войны» (*La géographie, ça sert d'abord à faire la guerre*). Эта книга, очень известная во Франции, символизирует рождение новой школы геополитики (если не первой французской школы геополитики, поскольку в 1930–1940-е годы Ансель был очень изолирован). В конце 1980-х гг. он основал Французский институт геополитики (*Institut Français de Géopolitique*), издающий

журнал *Hérodote revue*. Отвергая обобщения и широкие абстракции, используемые немецкой и англо-американской традициями (а также новыми географами), эта школа, тем не менее, уделяет внимание пространственному измерению геополитики на различных уровнях анализа. Этот подход подчеркивает важность многоуровневого (или многомасштабного) анализа и картографирования в противоположность критической геополитике, которая избегает подобных инструментов. Лакост предложил рассматривать каждый конфликт (как локальный, так и глобальный) с точки зрения трех предпосылок:

Репрезентативность: Каждая группа или индивид являются продуктом воспитания и характеризуются специфическими представлениями о мире или других группах или индивидах. Таким образом, основные убеждения общества обусловлены его этнической принадлежностью или конкретным местом проживания. Изучение репрезентации является общим местом с более современной критической геополитикой. Оба направления связаны с работами Анри Лефевра (*La production de l'espace*, впервые опубликована в 1974 г.)

Диахрония. Проведение исторического анализа, противопоставляющего «длинные периоды» и короткие периоды, как предлагал выдающийся французский историк Фернан Бродель.

Диатопия: Проведение картографического исследования с помощью многомасштабного картографирования.

С этим течением связан и бывший член редколлегии *Hérodote*, французский географ Мишель Фуше, разработавший долгосрочный анализ международных границ. Он ввел в обиход различные неологизмы, среди которых: *Horogenesis*: неологизм, описывающий концепцию изучения рождения границ, диада – граница, разделяющая два соседних государства (например, территория США имеет две сухопутные диады: с Канадой и Мексикой). Главная книга этого искателя «*Fronts et frontières*» (Фронты и границы), впервые опубликованная в 1991 г., без эквивалента остается непереведенной на английский язык. Мишель Фуше – эксперт Африканского союза по вопросам границ.

Более или менее связанным с этой школой можно назвать Стефана Розьера, главного редактора онлайн-журнала *L'Espace politique*, созданного в 2007 г. и ставшего вместе с *Hérodote* самым известным французским журналом по политической географии и геополитике.

Гораздо более консервативное течение олицетворяет Франсуа Туаль. Туаль – французский специалист по геополитике, бывший сотрудник Министерства гражданской обороны. Туаль преподавал геополитику религий во Французском военном колледже и написал тридцать книг, посвященных в основном геополитическому методу и его применению в различных частях света. Особый интерес для него представляют православие, шиитский ислам и буддийская религии, а также такие беспокойные регионы, как Кавказ. Связанный с Ф. Туалем Аймерик Шопрад, бывший профессор геополитики Французского военного колледжа, а ныне член правой партии «Национальный фронт», является приверженцем якобы «новой» французской школы геополитики, выступающей

прежде всего за возврат к *realpolitik* и «столкновению цивилизаций» (Хантингтон). Мысль этой школы выражается через «Французское обозрение геополитики» (возглавляемое Шопрадом) и Международную академию геополитики. Шопрад является сторонником Европы наций, выступает за создание Евросоюза без Турции, за политику компромисса с Россией (в рамках евразийского альянса, популярного среди европейских крайне правых популистов), поддерживает идею многополярного мира, в том числе сбалансированных отношений между Китаем и США.

1.1.2.2. Геоэкономический подход

Геоэкономика (иногда геоэкономика) – это исследование пространственных, временных и политических аспектов экономики и ресурсов. Хотя общепринятого единого определения не существует, выделение геоэкономики отдельно от геополитики часто приписывают Эдварду Люттваку, американскому стратегу и военному консультанту, и Паскалю Лоро, французскому экономисту и политологу.

В геополитике распространен подход, предполагающий три уровня анализа. Геоэкономика также может использовать этот трехслойный подход. Существует политический слой, как в международной политической экономике; интеграционный слой, как в экономической географии и промышленной организации; и транзакционный слой, как в сделках, приводимых в пример в финансовой экономике.

Люттвак утверждает, что та же логика, которая лежит в основе военных конфликтов, применима и к международной торговле: государства стремятся собрать столько доходов, сколько предписывает их налоговый кодекс, и не желают, чтобы другие государства облагали налогом коммерческую деятельность, находящуюся в сфере их компетенции. Это ситуация с нулевой суммой.

Государства преимущественно регулируют экономическую деятельность с целью максимизации результатов в пределах своих границ, а не с бескорыстной транснациональной целью, даже если эти результаты являются неоптимальными для других государств. Логика государственного регулирования в этом случае отчасти соответствует логике конфликта.

Государства и блоки государств стремятся ограничить объем выплат и услуг для своих резидентов. Более того, государства разрабатывают свои инфраструктурные проекты так, чтобы оптимизировать внутреннюю полезность, независимо от того, как это отразится на других государствах, в отличие от транснациональной полезности.

Государства или блоки государств продвигают технологические инновации с целью максимизации выгод в пределах собственных границ, а не ради самих инноваций.

Геоэкономика в сравнении с геополитикой. Авторитетного определения геоэкономики, четко отличного от геополитики, пока не существует. Сложность выделения геополитики и геоэкономики в отдельные сферы обусловлена их взаимозависимостью: взаимодействием национальных государств как неделимых

суверенных единиц, осуществляющих политическую власть, и преобладанием в неоклассической экономике «логики торговли», которая якобы отделяет динамику рынка от политической власти.

1.1.2.3. Подход региональной географии

Региональная география – одна из основных отраслей географии. Она фокусируется на взаимодействии различных культурных и природных геофакторов на конкретной территории или ландшафте, в то время как ее аналог, системная география, концентрируется на конкретном геофакторе на глобальном уровне.

Внимание уделяется уникальным характеристикам конкретного региона, таким как природные элементы, человеческие элементы, а также регионализации, которая охватывает приемы разделения пространства на регионы. Два основных направления региональной географии, уходящие корнями в традиции немецкоязычных стран, – это идиографическое изучение земель, или пространственных индивидов (конкретных мест, стран, континентов), и типологическое изучение пространств, или пространственных типов (ландшафтов, таких как прибрежные, горные, приграничные и т.д.).

Региональная география – это также определенный подход к изучению географии, сопоставимый с количественной географией или критической географией. Этот подход преобладал во второй половине XIX – первой половине XX века, когда парадигма региональной географии занимала центральное место в географических науках. Впоследствии он был подвергнут критике за описательность и отсутствие теории. Особенно резкой критике она подверглась в 1950-е годы и во время количественной революции. Основными критиками были Г.Х.Т. Кимбл и Фред К. Шефер.

Парадигма региональной географии оказала влияние на многие другие географические науки, включая экономическую географию и геоморфологию. Региональная география до сих пор преподается в некоторых университетах как изучение основных регионов мира. В Западном полушарии это могут быть культурные регионы, такие как Северная и Латинская Америка, или соответствующие им географические регионы или континенты, а именно Северная и Южная Америка, «границы» которых существенно отличаются от культурных регионов. В Восточном полушарии Европа и Азия могут рассматриваться как культурные регионы или как континенты в зависимости от критериев, используемых для их разграничения и определения общих границ. Эти расхождения обусловлены отсутствием единой теории, лежащей в основе определений и разграничений этих континентов и регионов.

Заметными фигурами в региональной географии были Альфред Хеттнер в Германии с его концепцией хорологии, Поль Видаль де ла Блаш во Франции с подходом POSSIBILISME (ПОССИБИЛИЗМ – более мягкое понятие, чем экологический детерминизм) и, в США, Ричард Хартшорн с его концепцией ареальной дифференциации. Школа Карла О. Зауэра, на которую оказали сильное влияние

Альфред Хеттнер и Поль Видаль де ла Блаш, также рассматриваются как региональная география в самом широком смысле этого слова.

Хорология (от греч. *χῶρος*, *khōros*, «место, пространство»; и *-λογία*, *-logia*) может означать изучение причинно-следственных связей между географическими явлениями, происходящими в пределах определенного региона изучение пространственного распространения организмов (биогеография).

Цель хорологической точки зрения – познание характера регионов и местностей через осмысление совместного существования и взаимосвязей между различными царствами действительности и их многообразными проявлениями, а также осмысление земной поверхности в целом в ее реальном расположении на континентах, более крупных и мелких регионах и местах.

1.1.3. Теоретические подходы к изучению региональных процессов на микроисследовательском уровне

1.1.3.1. Регионы в оптике культурной географии

Культурная география является одной из подобластей географии человека. Хотя первые следы изучения различных народов и культур на Земле можно отнести к древним географам, таким как Птолемей или Страбон, культурная география как академическое исследование впервые возникла как альтернатива экологическим детерминистским теориям начала XX в., которые считали, что люди и общества управляются средой, в которой они развиваются. Вместо изучения заранее определенных регионов на основе экологических классификаций культурная география стала интересоваться культурными ландшафтами.

Это произошло под руководством «отца культурной географии» Карла О. Зауэра из Калифорнийского университета в Беркли. В результате в культурной географии долгое время доминировали американские авторы.

Географы, опирающиеся на эту традицию, рассматривают культуры и общества как развивающиеся на основе местных ландшафтов и одновременно формирующие эти ландшафты. Это взаимодействие между природным ландшафтом и человеком создает культурный ландшафт. Это понимание является основой культурной географии, но за последние 40 лет оно было дополнено более тонкими и сложными концепциями культуры, взятыми из широкого круга дисциплин, включая антропологию, социологию, теорию литературы и феминизм. В рамках культурной географии не существует единого определения культуры. Однако, независимо от конкретной трактовки культуры, географы искренне отвергают теории, рассматривающие культуру так, как будто она находится «на булавочной головке».

Среди тем, рассматриваемых в данной области, можно назвать глобализацию, которая теоретически объясняет культурную конвергенцию.

Поссибилизм в культурной географии – это теория, согласно которой окружающая среда устанавливает определенные ограничения или сдерживающие факторы, но культура в остальном определяется социальными условиями. В культурной экологии Маршалл Сахлинс использовал эту концепцию для разработки альтернативных подходов к экологическому детерминизму, доминировавшему в то время в экологических исследованиях. Страбон в 64 г. до н.э. утверждал, что люди могут создавать вещи своим умом в течение определенного времени. Страбон предостерегал от предположения, что природа и действия человека определяются физической средой, в которой он живет. Он отмечал, что люди являются активными элементами в партнерстве и взаимодействии между человеком и окружающей средой.

Полемику между географическим поссибилизмом и детерминизмом можно считать одним из (по крайней мере) трех доминирующих эпистемологических противоречий современной географии. Двумя другими противоречиями являются:

1) причина, по которой экономические потрясения могут возродить жизнь на Земле

2) спор между Макиндером и Кропоткиным о том, чем является – или должна являться – география.

Таким образом, поссибилизм в географии рассматривается как самостоятельный подход к географическому знанию, прямо противоположный географическому детерминизму.

Теории культурной гегемонии или культурной ассимиляции через культурный империализм, культурную дифференциацию ареалов, как изучение различий в образе жизни, охватывающем идеи, установки, языки, практики, институты и структуры власти и весь спектр культурных практик в географических регионах.

Изучение культурных ландшафтов и культурной экологии.

Среди других тем – чувство места, колониализм, постколониализм, интернационализм, иммиграция, эмиграция и экотуризм.

Хотя первые следы изучения различных народов и культур на Земле можно отнести к древним географам, таким как Птолемей или Страбон, культурная география как академическое исследование впервые возникла как альтернатива экологическим детерминистским теориям начала XX в., которые считали, что люди и общества управляются средой, в которой они развиваются. Вместо изучения заранее определенных регионов, основанных на классификации окружающей среды, культурная география заинтересовалась культурными ландшафтами. Это направление возглавил Карл О. Зауэр (которого называют отцом культурной географии) в Калифорнийском университете в Беркли. В результате в культурной географии долгое время доминировали американские авторы.

Зауэр определил ландшафт как определяющую единицу географического исследования. Он считал, что культуры и общества не только развиваются на

основе ландшафта, но и формируют его. Это взаимодействие между природным ландшафтом и человеком создает культурный ландшафт. Работа Зауэра носила исключительно качественный и описательный характер и была опровергнута в 1930-х гг. региональной географией Ричарда Хартшорна. Хартшорн призвал к систематическому анализу элементов, которые варьируются от места к месту, и этот проект был подхвачен количественной революцией. Культурная география была отодвинута на второй план позитивистскими тенденциями этой попытки превратить географию в жесткую науку, хотя такие авторы, как Дэвид Ловенталь, продолжали писать о более субъективных, качественных аспектах ландшафта.

В 1970-е годы в географии возникла новая разновидность критики позитивизма, которая бросила прямой вызов детерминистским и абстрактным идеям количественной географии. Оживление культурной географии проявилось в обращении таких географов, как И-Фу Туан, Эдвард Рельф и Энн Баттимер, к гуманизму, феноменологии и герменевтике. Этот разрыв положил начало мощной тенденции в географии человека к постпозитивизму, который развивался под названием «новая культурная география», заимствуя методы систематической социальной и культурной критики из критической географии.

С 1980-х годов возникла «новая культурная география», опирающаяся на разнообразные теоретические традиции, включая марксистские политико-экономические модели, феминистскую теорию, постколониальную теорию, постструктурализм и психоанализ.

Опираясь, в частности, на теории Мишеля Фуко и перформативности в западных академических кругах, а также на более разнообразные влияния постколониальной теории, предпринимаются целенаправленные усилия по деконструкции культуры с целью выявления того, что отношения власти являются основополагающими для пространственных процессов и чувства места. Особый интерес представляет то, как политика идентичности организуется в пространстве, и конструирование субъективности в конкретных местах.

Примеры областей исследования включают: феминистская география, детская география, некоторые разделы географии туризма, поведенческая география, некоторые новейшие разработки в области политической географии, музыкальная география.

Некоторые представители новой культурной географии обратили свое внимание на критику некоторых ее идей, считая ее взгляды на идентичность и пространство статичными. Они последовали за критикой Фуко со стороны других постструктуралистских теоретиков, таких как Мишель де Серто и Жиль Делез. В этой области доминировали нерепрезентативная география и исследования мобильности населения. Другие исследователи попытались включить эти и другие критические идеи в новую культурную географию.

В географическом сообществе существуют различные взгляды на роль культуры и способы ее анализа в контексте географии. Принято считать, что

физическая география просто диктует такие аспекты культуры, как жилище, одежда и кухня. Однако систематическое развитие этой идеи обычно дискредитируется как экологический детерминизм. В настоящее время географы чаще понимают культуру как набор символических ресурсов, помогающих людям осмыслить окружающий их мир, а также как проявление властных отношений между различными группами и структуру, с помощью которой сдерживаются и обеспечиваются социальные изменения. Существует множество способов рассмотреть значение культуры в свете различных географических представлений, но в целом географы изучают, как культурные процессы включают пространственные модели и процессы, требуя существования и поддержания определенных видов мест.

1.1.3.2. Пространственный анализ

Пространственный анализ – это любая из формальных методик, изучающая объекты с использованием их топологических, геометрических или географических свойств. Пространственный анализ включает в себя множество методик, использующих различные аналитические подходы, в частности, пространственную статистику. Он может применяться в таких различных областях, как астрономия, где изучается расположение галактик в космосе, или инженерия производства микросхем, где используются алгоритмы «место и маршрут» для создания сложных структур проводки. В более узком смысле пространственный анализ – это геопространственный анализ, метод, применяемый к структурам человеческого масштаба, прежде всего, при анализе географических данных. Он также может применяться в геномике, например, в данных транскриптомики.

В пространственном анализе возникают сложные проблемы, многие из которых не имеют ни четкого определения, ни полного решения, но являются основой для современных исследований. Наиболее фундаментальной из них является проблема определения пространственного положения изучаемых объектов. Классификация методов пространственного анализа затруднена из-за большого количества различных областей исследований, различных фундаментальных подходов, которые могут быть выбраны, и множества форм, в которых могут быть представлены данные.

1.1.4. Идентичность как фактор региональных процессов

Концепты идентичности и пространства Проблемы построения единого европейского пространства вызвали всплеск работ и подходов по построению не только общеэкономического и общеполитического пространства, но и пространства общей культуры и идентичности. Как страны с разным историческим наследием, с разным экономическим и политическим уровнем развития могут сформировать общую идентичность, кто и как может выступить инициатором данной конструкции? Работ, посвященных данным вопросам,

немало, многие авторы занимались изучением концепции идентичности в рамках региональных и глобальных процессов. Ниже рассмотрим работы, посвященные концептуализации проблем региональной идентичности, тех авторов, которые определяют себя как теоретики «нового» регионализма, а именно Ансси Пааси, исследователя департамента географии Университета Оулу (Финляндия), Джозефины Сисснер, сотрудника Исследовательского центра миграции, этничности и общества (REMESO, Швеция), и Томаса Перрена, сотрудника Института исследований социальных наук (PASTE–CNRS Laboratory, Гренобль, Франция). Работа Ансси Пааси посвящена определению таких понятий как «идентичность региона» и «региональная идентичность» (как тип регионального самосознания). Проведя историографический анализ определений региональной идентичности, Пааси формулирует ряд методологических проблем в существующих подходах к региональной идентичности. Первая проблема связана с тем, что формы интерпретации, классификации «регионов» и «региональных идентичностей» являются сугубо политическими категориями. Проблема конструирования идентичности региона напрямую связана с вопросом: формирование идентичности есть естественный процесс или процесс, который конструируется политиками и элитами? Кто дает определение и характеристики тому, что мы понимаем под региональной идентичностью? Вторая проблема связана с тем, что, определяя региональную идентичность, исследователи изучают ее как определенный феномен в конкретно заданном регионе, используя конкретный набор методов. Например, Евробарометр использует методы опроса, которые не включают такие материалы, как региональный фольклор, тексты, фильмы и др. Подобные исследования используют узкий эмпирический материал для формирования подходов к понятию региональной идентичности. Определение региональной идентичности чаще всего осуществляется через использование географического подхода, который позволяет определять ту или иную идентичность через призму конкретной территории и этноса. В настоящее время используется более широкий подход в исследовании идентичности «пространства без определённых границ». Ансси Пааси ставит значительное количество вопросов относительно того, что есть региональная идентичность. С ее точки зрения, процесс концептуализации данного подхода не завершен и требует дальнейшей разработки. Джозефина Сисснер отмечает, что в теориях современного регионализма уделяется незначительное внимание проблемам культуры и идентичности. В своей работе она ставит несколько исследовательских задач. Первая – понять, как культура и идентичность концептуализируются в регионе и как политические лидеры могут использовать данные концепты? На примере европейских регионов Сисснер рассматривает формирование различных типов культур и идентичностей в тех регионах, где региональное соперничество становится целью политических элит. Соперничество регионов в глобальной гонке за экономический рост может быть рассмотрено через призму региональной культуры и региональной идентичности. В этом случае уместным

является использование таких категорий, как «формирование стереотипов» (stereotypification), «коммодификация» (commodification) и «стратификация» (stratification). Формирование стереотипов подразумевает наличие общей региональной истории и современной практики формирования бренда региона, в рамках которой происходит отбор позитивных характеристик региона. Культурная коммодификация здесь понимается как культурный объект, который может быть определен в товарно-денежном эквиваленте, например индустрия культуры в широком смысле или культурный туризм, региональные продукты, которые могут создать экономическую привлекательность региону. Культурная стратификация предполагает процесс представительства в региональной политике «внерегionalных» и «не приносящих прибыль» культурных проявлений, таких как, например, мультикультурализм. Иммигранты и «внерегionalные» культуры не всегда могут стать культурным ресурсом для развития региона, поэтому изучение стратификации культур очень важно в данном контексте. Дж. Сисснер акцентирует внимание на том, что стереотипизация, коммодификация и стратификация играют важную роль в политике строительства регионов. Использование концептов «культура» и «идентичность» в укреплении конкурентоспособности региона является темой, требующей новых исследований. Остался нерешенным вопрос относительно того, что движет формированием региональной идентичности, а именно внутренние процессы или осознанная деятельность политических элит? Томас Перрен продолжает дискуссию о конструировании региональной идентичности. В исследовании «Новый регионализм и культурные политики: особые и отличные стратегии, от локальных до глобальных» он стремится показать, как политики 88 89 формулирует ряд методологических проблем в существующих подходах к региональной идентичности. Первая проблема связана с тем, что формы интерпретации, классификации «регионов» и «региональных идентичностей» являются сугубо политическими категориями. Проблема конструирования идентичности региона напрямую связана с вопросом: формирование идентичности есть естественный процесс или процесс, который конструируется политиками и элитами? Кто дает определение и характеристики тому, что мы понимаем под региональной идентичностью? Вторая проблема связана с тем, что, определяя региональную идентичность, исследователи изучают ее как определенный феномен в конкретно заданном регионе, используя конкретный набор методов. Например, Евробарометр использует методы опроса, которые не включают такие материалы, как региональный фольклор, тексты, фильмы и др. Подобные исследования используют узкий эмпирический материал для формирования подходов к понятию региональной идентичности. Определение региональной идентичности чаще всего осуществляется через использование географического подхода, который позволяет определять ту или иную идентичность через призму конкретной территории и этноса. В настоящее время используется более широкий подход в исследовании идентичности «пространства без определённых границ». Ансси Пааси ставит значительное

количество вопросов относительно того, что есть региональная идентичность. С ее точки зрения, процесс концептуализации данного подхода не завершен и требует дальнейшей разработки. Джозефина Сисснер отмечает, что в теориях современного регионализма уделяется незначительное внимание проблемам культуры и идентичности. В своей работе она ставит несколько исследовательских задач. Первая – понять, как культура и идентичность концептуализируются в регионе и как политические лидеры могут использовать данные концепты? На примере европейских регионов Сисснер рассматривает формирование различных типов культур и идентичностей в тех регионах, где региональное соперничество становится целью политических элит. Соперничество регионов в глобальной гонке за экономический рост может быть рассмотрено через призму региональной культуры и региональной идентичности. В этом случае уместным является использование таких категорий, как «формирование стереотипов» (stereotypification), «коммодификация» (commodification) и «стратификация» (stratification). Формирование стереотипов подразумевает наличие общей региональной истории и современной практики формирования бренда региона, в рамках которой происходит отбор позитивных характеристик региона. Культурная коммодификация здесь понимается как культурный объект, который может быть определен в товарно-денежном эквиваленте, например индустрия культуры в широком смысле или культурный туризм, региональные продукты, которые могут создать экономическую привлекательность региону. Культурная стратификация предполагает процесс представительства в региональной политике «внерегиональных» и «не приносящих прибыль» культурных проявлений, таких как, например, мультикультурализм. Иммигранты и «внерегиональные» культуры не всегда могут стать культурным ресурсом для развития региона, поэтому изучение стратификации культур очень важно в данном контексте. Дж. Сисснер акцентирует внимание на том, что стереотипизация, коммодификация и стратификация играют важную роль в политике строительства регионов. Использование концептов «культура» и «идентичность» в укреплении конкурентоспособности региона является темой, требующей новых исследований. Остался нерешенным вопрос относительно того, что движет формированием региональной идентичности, а именно внутренние процессы или осознанная деятельность политических элит? Томас Перрен продолжает дискуссию о конструировании региональной идентичности. В исследовании «Новый регионализм и культурные политики: особые и отличные стратегии, от локальных до глобальных» он стремится показать, как политики 90-91 в области культуры могут содействовать регионалистским стратегиям. Перрен выделяет два варианта действий: формирование региональной культурной идентичности, которая опирается на наследие региона, не отказываясь в то же самое время от созидательных стратегий, и использование культуры как мягкой силы в рамках продвижения бренда региона. По своей сути работа Перрена носит практический посыл для строительства еврорегионов с учетом практики построения общей

культуры и идентичности. Он призывает продолжать исследования в области «нового» регионализма с учетом расширения предметных полей исследования, включая геоисторический и геокультурный подходы, определяющие межрегиональное и внутригосударственное сотрудничество, а также изучать, как внутригосударственные власти мобилизуют культурную динамику для строительства наднациональных институтов. Работы Пааси, Сиснер и Перрена подчеркивают их интерес к социологическим, антропологическим, культурным исследованиям в рамках подходов «нового» регионализма. Изучение проблем формирования общеевропейской культурной идентичности в новых глобальных условиях подталкивает авторов к решению новых задач. Указанные авторы ставят немало интересных вопросов о том, что есть региональная идентичность, как происходит ее формирование и можно ли влиять на данный процесс. В сущности, в их работах ставится больше вопросов, чем дается ответов. Несмотря на то, что подходы и предложения, высказанные тремя авторами, претендуют на возможность их использования в политической практике, все авторы призывают своих коллег-исследователей «нового» регионализма не останавливаться на достигнутом и продолжать работу в данном направлении.

1.1.5. Политико-территориальное измерение региональных процессов

1.1.5.1 Пространство и пространственные режимы

Сжатие пространства во времени современной эпохи свидетельствует о превращении земной поверхности (и ее вертикального расширения в космическое пространство) в пространство, созданное человеком. Это связано с региональным и трансрегиональным ростом транспортных и коммуникационных сетей, таких как железные дороги и кабели, а также электронных коммуникаций. Радикальная трансформация пространства обычно ассоциируется с глобализацией – постоянно расширяющимися, углубляющимися и ускоряющимися взаимосвязями между государствами, народами и местами. Эта высокопродуктивная и, как выясняется, разрушительная перестройка природной среды обитания в пространственные режимы – наборы формальных и неформальных правил, регулирующих социальную практику, – формирует планировку земного шара. Пространственные режимы конечны и ограничены, хотя и способны охватить весь мир (как империя). Они артикулируют и воображают, «репрезентируют» социальные отношения в пространстве и порождают транслокальные общности (как, например, классовые или расовые). Пространственные режимы также могут быть заключены в репрезентативные пространства (как, например, Всемирный торговый центр или Мекка). Одним словом, пространственные режимы порождают человеческое пространство, опосредуют и репрезентируют социальные отношения, представляют или воплощают их в символических участках.

Гуманитарная география сделала экспансивное освоение пространства основой цивилизации. Земледелие, культура и физико-географическое положение неразрывно связаны между собой в создании цивилизаций, которые распространялись не только грубой силой, но и передачей и адаптацией передовых технологий. Однако в современную эпоху «цивилизованное человечество» отделяет себя от земного пространства, чтобы создать вторую природу в «революции пространства» или Raumrevolution, как предложил Карл Риттер (1852), в которой далекие места втягиваются в общее пространство, а близкие места исчезают за горизонтом. Столетие спустя этот же феномен был отражен в понятии «социальное производство пространства» Анри Лефи (1991) с его акцентом на экономической деятельности, которая в условиях капитализма «заряжает энергией» созданные человеком пространства. Мы можем рассматривать их как транснациональные «силовые поля», как это делал Чарльз Майер (2006), или как «сети», по словам Мануэля Кастельса (2000). В любом случае пространство не является ни фиксированным, ни естественным, оно буквально создано, и его меняющаяся структура влияет на человеческий опыт и воображение. Поскольку пространство «создано», для его функционирования необходимы действующие лица, действия и места. Поэтому полезно рассматривать пространственные режимы не просто как продукт, как систему правил и регламентов – институтов – и их представительств, как это делает теория международных отношений. Скорее, мы можем рассматривать их с точки зрения действующих лиц, будь то колонизаторы, архитекторы, разнообразная группа специалистов по планированию пространства (как при развитии городов или инфраструктуры), или материальные и духовные собеседники, такие как купцы, журналисты и миссионеры. Мы можем исследовать «порталы», через которые они проникают, общие языки, нормы и ценности, а также мировоззрение, которые они вырабатывают для того, чтобы каждое отдельное «пространство» объединилось вокруг общей цели, деятельности или картины мира. Наконец, что не менее важно, мы можем рассматривать пространственные режимы с точки зрения их обособленности или включенности, отторжения или терпимости.

Пространственные режимы могут выглядеть как неизменные и трансисторические объекты, но на самом деле они представляют собой культивацию, для процветания которой требуется постоянный труд – работа по установлению связей. Если эта последняя концепция пространства кажется такой новой, то это потому, что идеи как активной антропологической истории человечества, так и переплетенного мира гостеприимства, или обмена, почти на столетие были оттеснены империалистическими разновидностями «политической географии» или «геополитики», которые, как отмечает Гирбид Туатайл (1996), вызывают неизменное восхищение. Геополитика изучает влияние географии на власть. Она сосредоточилась на предполагаемых пространственных потребностях государств, которые поколение основателей (сэр Хэлфорд Дж. Макиндер, Рудольф Челлен, Фридрих Ратцель) наделило

расовыми качествами. Для того чтобы государства могли выжить, они должны были приобрести жизненное пространство для самообеспечения. Ограждение и проецирование силы являются ключевыми для пространственных режимов геополитики. Устойчивость идеи и стремления к созданию мира (потенциально) автономных политических пространств тем более поразительна, что основные усилия в этом направлении – Германии и Японии в их завоевательном стремлении, России и Китая в их стремлении к индустриальному самопреобразованию – оказались катастрофическими. Несмотря на свою бесполезность в качестве аналитического инструмента, взлет и падение, а также смещение фокуса воображаемой геополитики дают представление о времени и пространстве того, что Кари Риттер назвал пространственной революцией середины XIX века.

Если окультуривание пространства и превращение его в место – столь же обычная деятельность человека, как и расширение формального или неформального контроля над пространством, то за последние двести лет произошло не просто усиление обоих этих процессов в беспрецедентных масштабах. Скорее, особенность современной эпохи заключается в одновременности и взаимном усилении вполне самостоятельных и отдельных процессов – жесткого закрепления территории, власти и прав в гомогенном пространстве нации, с одной стороны, и разделения людей, вещей и идей по пространствам в рамках регулятивных режимов, с другой. Таким образом, современная эпоха – это эпоха, в которой возможность проведения границ, включающих или разделяющих, со всем сопутствующим ей насилием, имеет первостепенное значение.

Вопреки геополитике, всегда существовало и существует множество конкурирующих и пересекающихся пространств, созданных человеком. Ни один режим, подобно вселенской империи, никогда не доминировал на Земле. Не удалось также гомогенизировать и синтезировать многообразие человеческих пространств в глобальную «империю». Мы можем наблюдать лишь революцию пространства – расширение, интенсификацию и ускорение взаимодействия и неформального регулирования социальных практик на огромных расстояниях. Некоторые из этих режимов опоясывают весь земной шар (валютные рынки). Большинство из них скрепляют частичные пространства глобального взаимодействия (товарные цепочки). Многие работают за счет трансплантации идей и практик (таких, как «собственность» или «территория»), которые придерживаются схожих принципов, но оказываются разнообразными в своей адаптации. Они возникают в ходе трансфертов, изменение протоколов которых заслуживает внимания. Многообразие реальных пространств целесообразно сгруппировать в три отдельных класса: (1) пространства заселения; (2) пространства незаселения и (3) пространства передачи.

Территория – предпосылка государственного суверенитета. Территориальность – принцип организации «пространства с границами, позволяющими эффективно контролировать общественную и политическую

жизнь» – стала самым мощным способом производства пространства в современном мире. Он настолько успешен, что охватил весь мир и повсеместно породил подобие пространственных режимов – территориальную нацию – до такой степени, что даже несостоятельные государства придерживаются этого, пусть и пустого, принципа. Территориальность – это историческая конфигурация, связывающая конституированную власть, монополизированное насилие и принудительную силу закона в пределах замкнутой, чаще всего сопредельной территории. Этим она отличается от старых мировых империй с их пестрой структурой полусуверенных политических, религиозных, этнических и социальных образований и проницаемыми границами. Она также отличается от просто территорий – образований, не способных сформировать и защитить внутреннее пространство власти и права. Даже когда принцип территориальности был закреплен в качестве международного права в Уставе ООН, де-факто территориальных государств было меньше, чем де-юре. Преобладающие научные генеалогии современной территориальности являются западными, хотя их родословные разнообразны. Особенно это касается ранних итераций территориальной модели с ее ключевым акцентом на внешних границах, на освоении внутреннего пространства, на репрезентации внутреннего и внешнего миров посредством карт территории – «производства территории». Незападные конкуренты считали уникальным и страшным преимуществом западной модели способность мобилизовать территорию в целом – ее природные ресурсы, людей, знания – и придать этой мобилизации цель и судьбу, отчетливое приобретательское и агрессивное преимущество. Их восхищал переход от «производства территории» к формированию «территорий производства» и, соответственно, разрушения. Как бы ни стремились государства к ограждению, наиболее выгодные способы мобилизации энергии выходили за пределы национального государства. Они зависели от привлечения и использования людей, товаров и денег, а также идей и технологий и, в свою очередь, приводили к неустроенности за счет перемещения людей или экспорта товаров.

Территориальность и транстерриториальная мобильность людей, вещей и идей неотделимы друг от друга. Конечно, люди, вещи и идеи всегда перемещались. В их мобильности мы могли бы видеть сам принцип развития человечества. Но именно мобильность – свобода перемещения и жестокость удаления – определяет современную пространственную революцию. Люди преодолевают территориальные барьеры, демографическую политику и схемы расселения, возникающие на их пути, благодаря чему миграция людей становится главным пространством глобальной мобильности: человеческие поселения все глубже проникают в ранее нечеловеческую, природную среду обитания. Смещение населения, когда отчетливая картина западной внешней миграции сменяется демографическими сдвигами и обратным потоком людей, говорит об интенсивности этого процесса. Но больше всего поражает скорость этого развития, в результате которого город – в отличие от деревни – стал преобладающим местом проживания.

В отличие от сельской местности, город стал преобладающим местом обитания человека. И хотя большая часть этого развития носит локальный характер, оно происходит в планетарном масштабе. Другим основным двигателем транслокальной мобильности являются торговля и инвестиции. Экономисты считают квазиестественным законом, что эффективная экономика не знает границ, процветает на основе разделения труда и будет расширяться на край света, и, несмотря на всеобщее неприятие маркетизации и глобализации, весь мир превратился во взаимосвязанную территорию производства, что имеет три основных последствия. Во-первых, региональное разделение труда с его различиями в промышленности и сельском хозяйстве – промышленный Север и сельскохозяйственный Юг – уступило место единому пространству. Юг – уступил место единому, но разрозненному режиму смешанного глобального производства, сопровождающемуся углублением социального неравенства. Во-вторых, если торговля между странами мобилизовала производственную энергию внутри стран, то транснациональные производственные сети все чаще пересекают территории. В-третьих, в структурировании транснационального пространства производства ведущую роль стал играть наиболее ликвидный и мобильный товар – капитал. Результатом этой деятельности являются территории производства, охватывающие весь земной шар, и смещение баланса сил в пользу частных финансов, а не государств, контролирующих движение капитала и рабочей силы.

Можно добавить и другие пространственные режимы, прежде всего режимы знания. Достаточно остановиться на удивительном примере непреднамеренной социальной природы глобального пространства. Хотя научно-технические знания претендуют на универсальность, их применение и присвоение перетекают в различные пространственные режимы. Последние уже не являются регионально сконцентрированными, как бы достоянием одного региона или цивилизации. Скорее, они объединены на разных территориях в непрочные сети знаний, которые не все разделяют. То есть наука и техника функционируют везде одинаково, но не присутствуют в равной степени (как, например, современное диагностическое оборудование в больницах) и не включаются в режимы социального знания с одинаковым эффектом. Вторая природа созданных человеком пространственных режимов оказывается столь же многообразной, как и физическое пространство. Единственное, что более ликвидно и мобильно, чем капитал, – это знания и идеи. Однако есть все основания с осторожностью относиться к заявлениям о неумолимом росте глобального сознания, гомогенного пространства глобального воображения. Безусловно, существует репрезентация всей Земли с помощью спутникового наблюдения, которая воспринимается как репрезентативное пространство глобально связанного мира. Более того, функциональная инфраструктура транспорта и связи объединяет все части Земли. Везде они обрабатываются по одним и тем же правилам. Короче говоря, существует глобальное взаимозаменяемое знание. Однако эта глобальность облечена в форму сложных протоколов передачи и трансляции.

Именно передача и обмен знаниями «окультуривают» созданные человеком пространства, устанавливая границы принадлежности. Они создают «ментальные карты», которые люди используют для ориентации во взаимосвязанном мире, и формируют репрезентативные пространства, определяющие принадлежность к пространству. Незначительность и нестабильность глобальных префектов (ООН) и систем (кап. рынки) столь же примечательна, как и обилие локальных вещей (суши, гамбургер), репрезентаций (собор Святого Петра, Айодиха) или репрезентативных пространств (Чикагский фьючерсный рынок) с глобальным охватом. Как бы ни была велика скорость распространения идей, знаний и образов, они, хотя и с разной скоростью, оседают в соединительной ткани пространства. Саския Сассен наиболее ярко выразила мысль о том, что плотность этой ткани по-новому поставила «вопрос о территории как параметре власти и прав». Хотя оказалось невозможным изолировать знания, идеи и убеждения в обладающих генеалогией потоках, поддерживающих территориальность, они циркулируют неравномерно, и их влияние варьируется от одной сети знаний к другой, каждая из которых потенциально простирается по окружности Земли и ее человеческой популяции. Они приобретают новую силу в цифровых совокупностях. Вместо глобального сознания мы видим нейронные сети информации, знаний, образов и верований, формирующих чувство места, которое одновременно является локальным и глобальным, космополитичным и яростно отстаивающим свою позицию в мире. Интенсивность конфликтов вокруг этих ментальных карт, выражающаяся в возрождении религиозной веры, стремлении закрепить их в священных текстах и убедиться в их чистоте, позволяет предположить, что связность, порождающая ментальные или духовные пространства взаимодействия, стала новым источником конфликтов, не менее созидательных и не менее разрушительных, чем территориальные конфликты в прошлом.

1.1.5.2. Понятие регион

Понятие «регион» обычно относится к политическому сообществу и/или географическому пространству, которое определяется природными или культурными особенностями. Независимо от того, являются ли природные особенности материальными (топографическими, климатологическими или географическими) или созданными человеком (культурными или экономическими), идея региона натурализует исторические конструкции. Регионы могут быть изначально определены сверху государством или учеными (Квебек, Библейский пояс), а могут возникнуть в результате идентификации снизу, но существует принципиальная разница между регионами, которые ощущаются и живут как таковые их жителями, и регионами, которые являются исключительно административно-территориальными, предназначенными для абстрагирования и управления территориями и людьми. Тот факт, что в

международной экспертной среде применяется разделение земного шара на сотни географических, культурных и экономических регионов, не означает, что эти пространства всегда идентифицируются населяющими их людьми как регионы.

К примеру, НАФТА, возможно, и помогла связать экономику Северной Америки, но не привела к укреплению североамериканской идентичности. Взгляд регионоведения требует не акцентировать внимание только на нации и государства, чтобы было возможным распознать процессы, выходящие за ее пределы. Вместо того чтобы игнорировать нацию, транснациональная история призывает нас историзировать нацию и не считать, что нация всегда является наиболее важной единицей анализа. В ходе регионоведческого поворота историки и другие эксперты заново открыли для себя регионы. Региональная история позволяет нам представить себе альтернативные масштабы нации, поощряя изучение явлений, которые как слишком узки, так и слишком широки для национальных нарративов. Хотя историки изучают регионы с самого начала становления современной профессиональной истории, и даже несмотря на то, что этот акцент периодически входит в моду, историки склонны считать такую работу дилетантской или пренебрежительно называть ее «локальной историей». Тем не менее, в лучшем случае понятие «регион» может позволить ученым по-новому осмыслить детерриториализованные культурные и экономические потоки и связи в транснациональном аспекте.

В той мере, в какой транснациональная история стремится вывести историков за рамки фокуса на нации, имеет смысл обратить внимание на единицы как более крупные, так и более мелкие, чем нация. Перераспределение глобальной политической власти и взрыв глобализационных дискурсов в последние 30 лет заставили ученых задуматься и поставить под сомнение категории анализа, унаследованные ими от 19 века. В этом контексте некоторые эксперты провозгласили «смерть нации» и протрубили о приходе региона. Известный немецкий историк Ганс Моммзен декларировал: «нация мертва, да здравствует регион». Однако такая формулировка может быть как слишком пессимистичной в отношении концепта нации, так и слишком оптимистичной в отношении способности региональных идентичностей вытеснить национальные. Несмотря на все разговоры о глобализации и стирании границ, в XXI веке нации все еще имеют значение.

Что такое регион? Не существует четкого определения того, что представляет собой регион. Регионы могут определяться ландшафтом и топографией, такими как реки, горы и равнины (например, долина Огайо, Анды, Пампасы), или промышленностью, торговлей и культурой (например, «ржавый пояс», «солнечный пояс», «библейский пояс»). Регионы могут быть субнациональными (северо-запад США, мексиканский север, юг Италии) или наднациональными (Африка южнее Сахары, Латинская Америка, Восточная Азия) географическими пространствами, обладающими определенными культурными и/или климатическими характеристиками. Обращение к географии

(пустыням, морям и т.д.) в самих названиях некоторых регионов, таких как Сахара, Гоби, Средиземноморье или Северная Атлантика, придает им ощущение естественности, а не человеческих построек. Однако Средиземноморье стало «Средиземноморьем» не только из-за природных особенностей моря – водоема с соленой водой, в основном окруженного сушей, но и из-за его решающей роли в развитии западных культур.

Разумеется, ни одно из этих определений региона не выдерживает критики, и даже если и есть какие-то способы, с помощью которых те или иные пространства объединяются в определенное время, то они являются продуктом конкретных исторических обстоятельств. До 1848 г. Юго-Запад США был мексиканским севером, до 1821 г. – северной границей Новой Испании, и в каждый из этих периодов он одновременно являлся родиной для различных коренных народов. Все эти различные определения региона объединяет идея пространства, которое имеет определенные идентифицируемые характеристики – культурные, топографические, географические или экономические. Существуют и другие формы идентификации, которые не определяются конкретными пространствами, включая сообщества, основанные на религии, культурной ориентации, политических убеждениях, а также все большее число довольно специфических интернет-сообществ. Учитывая растущее в последние тридцать лет значение этих виртуальных, не определяемых конкретными местами, или множественных сообществ, чему способствовали быстрый и дешевый транспорт (автобус, автомобиль и самолет) и связь (телефон, Интернет), стоит задуматься о том, следует ли рассматривать эти виды нетерриториализованных пространств как аналоги географических регионов.

Иммигрантские сообщества, сохраняющие связи с родиной, являются хорошими примерами таких нетерриториализованных или мультипространственных сообществ. В последние двадцать лет антропологи и социологи документируют иммигрантские сообщества, в которых люди, можно сказать, одновременно участвуют в общественной жизни как своего нового, так и старого дома, посещая свадьбы, принимая важные семейные решения и оказывая финансовую помощь своим общинам. Антрополог Роджер Раус назвал это многопользовательское пространство «социальным пространством постмодернизма».

Наиболее распространенная концепция региона как сообщества, привязанного к определенному географическому пространству, не учитывает, таким образом, те виды сообществ, которые располагаются более чем в одном несмежном населенном пункте. Это серьезное ограничение понятия «регион» может быть устранено путем расширения самого определения. Виртуальное пространство интернет-сообществ может помочь нам в осмыслении и теоретизировании виртуальных регионов, связывающих разрозненные географические пространства, но можно утверждать, что если отделить регион от территории, то он становится совершенно другим понятием. Воображение виртуальных регионов может быть полезным способом осмысления

транснациональной истории, но оно также может настолько расширить понятие региона, что сделает его аналитически бесполезным.

Ограничения региональной истории. При всей перспективности регионоведческих исследований они не обязательно выводят нас за рамки национальных историй или несовместимы с ними. Если регионоведческий взгляд в первую очередь интересуется тем, как национальные события и явления проявляются в конкретном контексте, то они закрепляют идею нации. Поэтому рассмотрение истории и культуры регионов как вариаций на национальную тему способствует укреплению идеи национальной целостности. Если же региональные истории ставят своей целью подорвать ощущение национальной целостности, делая акцент на сепаратистских или автономистских движениях, то идея нации просто переносится на другую почву. В этих случаях современные государственные границы ставятся под сомнение в пользу различных национальных конфигураций.

В этих случаях современные государственные границы ставятся под сомнение в пользу различных национальных конфигураций (баски, каталонцы, палестинцы, североирландские движения за автономию/сецессию/независимость – вот лишь несколько примеров). Во всех этих случаях понятие национальной родины с фиксированными географическими границами продолжает оставаться центральной категорией анализа для историков и политическим стремлением для жителей. Региональные истории могут в итоге вернуть нас к национальным рамкам, поскольку и ученые, и обыватели представляют себе региональные сообщества, основанные на культурной основе, примерно так же, как и национальные сообщества. Отчасти привлекательность понятия «регион» заключается в том, что оно, как представляется, органично вырастает из связи с землей, местом, культурой. Как говорится в одной из книг о регионах и регионализме в США, идеальный культурный регион – это «идеальное совпадение культуры и топографии, "крови" и "земли"».

Переход от культуры к крови и наложение биологического эталона на территорию в точности повторяет представления о нации, сложившиеся в прошлом веке. Хотя ученые могут согласиться с идеей о том, что нации – это «воображаемые сообщества», они не признают, насколько часто эти сообщества представляются как культурно и биологически целостные образования. Ограничительное иммиграционное законодательство и политика евгеники, начиная с конца прошлого века, основывались на идее сохранения в нации как расовой иерархии, так и определенной расовой смеси. Хотя некоторые регионы больше ссылаются на политику и экономику, чем на культуру (например, «Ржавый пояс», «Глобальный Юг»), регионы, определяемые как эссенциализированные культурные сообщества, воспроизводят проблемы, присущие национальным историям. Интеллектуалы и политики могут представлять себе эссенциализированные культурные сообщества, которые больше, чем нация. Наднациональные образования, например, представленные панафриканскими, панамериканскими или паназиатскими движениями,

ссылаются на культурную общность, но они также часто служат политическим и экономическим целям, создавая торговые блоки и политические альянсы (Mercosur, Европейский союз).

Эти наднациональные образования состоят из конгломератов наций и могут быть как паннационалистическими, так и транснационалистическими. Однако в той мере, в какой панафриканские движения стремились объединить трансатлантическую диаспору чернокожего населения, они не были строго территориальными движениями. Аналогичным образом, панлатиноамериканские движения с конца 19 века нашли отклик у латиноамериканцев, проживающих к северу от Рио-Гранде. Таким образом, паннационалистические движения сочетают в себе территориальный национализм с более широкой апелляцией к культурному национализму среди диаспористов, которые хотя и испытывают смутное чувство родины, но не обязательно надеются или намереваются вернуться. Регионализм, национализм и даже наднациональные союзы на Глобальном Юге часто задумываются их создателями как стратегия противостояния имперской капиталистической эксплуатации. Напротив, некоторые неолибералы надеются, что крупные региональные объединения позволят устранить торговые и политические барьеры, существующие между странами.

Вместо того чтобы сослаться на исконные связи как на оплот против национального навязывания в отношении отдельных регионов или имперского навязывания подчиненным народам, неолиберальный взгляд надеется на укрепление региональных международных рынков как на способ разрушения протекционистского национального законодательства. Такой регионализм, пропагандируемый сторонниками НАФТА, ФТАА, Европейского союза и МЕРКОСУР, хотя и конкурирует друг с другом, но стремится преодолеть национальные границы в интересах глобальной торговли. В отличие от наднациональных союзов, более мелкие субнациональные образования обладают особой привлекательностью для историков, стремящихся найти «аутентичную» идентичность. Если нации и торговые блоки могут быть абстрагированы как политические проекты, определяемыми элитами в столичных центрах и навязываемыми остальным, то регионы выглядят более естественными. Натаниэль Хоторн подытожил эти антинациональные настроения, когда пожаловался: «У нас так много стран, что у нас вообще нет страны». Вместо этого Хоторн восхвалял свою маленькую нацию (*patria chica*): «Новая Англия – это настолько большой кусок этой земли, насколько может вместить мое сердце».

Прославленный поэт Уильям Стаффорд повторил это овеществление местного опыта, заявив, что «все человеческие оценки событий и переживаний... региональны в том смысле, что они проистекают из непосредственной связи с ощущаемой жизнью». Формулировка Стаффорда предполагает, что регионы реальны, потому что мы можем воспринимать регионы так, как не можем воспринимать нации. Именно такая мистификация субнациональных регионов

привела к тому, что многие историки обращаются к ним как к убежищу от абстракции нации. Регионы, как большие, так и малые, могут быть полезным понятием в инструментарии транснациональной истории, но только до тех пор, пока регионы подвергаются той же критике и деконструкции, которую мы регулярно применяем к нациям и национальным идентичностям.

Регионы и нации в современной профессиональной истории. Современная профессиональная история возникла в 19 веке для оправдания и легитимизации вновь образованных национальных государств. Поэтому неудивительно, что историкам так трудно отказаться от акцентирования внимания на нации, даже если они стремятся писать региональные истории. Светские мифы историков о нации заменили религиозные мифы о происхождении. По словам Ойгена Вебера, «историки были духовенством XIX века, потому что им выпало переписывать мифы об основании; а история была теологией XIX века, потому что она давала обществам, освободившимся от оков обычаев и традиций, новую опору в заново открытом или переосмысленном прошлом». Негативность истоков исторической профессии, заложенная в 19 веке, сохраняется и сегодня: курсы по истории для студентов в большинстве случаев строятся как национальные нарративы, программы для аспирантов в основном организованы по национальным направлениям, а научные исследования обычно классифицируются по нациям. Даже такие наднациональные региональные образования, как Европа, Латинская Америка и Восточная Азия, строятся на фундаменте национальных историй. Хотя журналы, посвященные сравнительной истории и историческим теоретическим подходам, появились в последние сорок – пятьдесят лет (например, *Comparative Studies in Society and History* (1958), *History and Theory* (1960), *Journal of Social History* (1967) и *Journal of World History* (1990)), исторические позиции в университетах, подготовка аспирантов и студентов по-прежнему в основном строятся на национальных и наднациональных региональных единицах (Латинская Америка, Африка, Восточная Азия, Ближний Восток).

В истории США сосуществовали местная, региональная и национальная истории, но первые две из них служили интересам второй, и тенденция в американских академических кругах была направлена в сторону национального подхода, особенно после Второй мировой войны. Геополитическое превосходство США в этот период, возможно, способствовало развитию национальной истории как способа объяснить глобальную гегемонию США, игнорируя наследие неокOLONИАЛЬНОГО ПРАВЛЕНИЯ США. Тенденция к созданию национальных историй США получила импульс и после Второй мировой войны, когда возникла теория модернизации. Эта теория, получившая распространение в 1950–1960-х годах в англо-американских научных кругах благодаря книге Уолта Ростоу «*Five Stages of Growth*», представляла мир в виде изолированных национальных единиц, хотя предполагалось, что она в равной степени применима ко всему земному шару. Теория модернизации утверждала примат национальных историй и предсказывала ликвидацию региональных различий по

мере развития национальных рынков и монолитной национальной культуры. Для теоретиков модернизации региональные истории оставались значимыми только как отдельные точки данных в унилинейной национальной траектории.

Теория зависимости, развивавшаяся как критика теории модернизации в 1960-е гг., акцентировала внимание на колониальных и неоколониальных отношениях между ядром и периферией. Вместо представления о мире, состоящем из отдельных бильярдных шаров (наций), движущихся по одновременным траекториям и время от времени сталкивающимися друг с другом, теория зависимости представила динамичный образ коцентрических кругов с линиями, всасывающими ресурсы из периферийных стран в метрополию. Хотя теория зависимости позволила создать более интегрированный и реляционный взгляд на мир, нация по-прежнему оставалась основной единицей анализа. Теория мировых систем Иммануила Валлерстайна позволила создать более тонкую версию зависимости, а последующие ученые разрабатывали все более сложные теории для объяснения регионального неравенства внутри стран как части того, что некоторые называют «международным колониализмом».

Несмотря на то, что теория мировых систем позволяет теоретизировать не только национальные, но и региональные отношения, она склонна рассматривать локальные особенности только с точки зрения макроглобальных явлений. Подобно тому как теория модернизации поощряла национальные истории, критика теории модернизации привела к возобновлению интереса к изучению региональных, а не национальных явлений. Однако, пытаясь избежать исключаяющих ловушек националистического мышления, региональные исследования некритически исходят из того, что регионы являются целостными. Исследования, проецирующие на регионы протонациональные рамки, как, например, на басков или каталонцев, не помогают нам теоретизировать контингентные и многоместные сообщества; скорее, они воспроизводят предрассудки и замалчивание наций, но в меньшем масштабе. Ученые менее склонны применять свои деконструкционистские инструменты к региональным или этническим автономистским и сепаратистским движениям, чем к нациям, либо из-за политических симпатий к этим движениям, либо из-за ощущения, что регионалистские культурные идентичности ссылаются на более древние «первобытные» связи с местом. Однако эти представления о первобытных связях должны быть проблематизированы и историзированы в той же степени, что и представления о нациях, если мы надеемся выйти за рамки национальной перспективы.

Представление о мире как о регионах, а не нациях, является полезным упражнением для продвижения к транснациональной истории. Однако в зависимости от того, как представляются регионы, они могут воспроизводить ту же слепоту и эссенциализированные представления о сообществе, которые, по видимому, столь распространены в национальных историях и от которых стремятся уйти транснациональные историки. Фокусировка на регионах может помочь историкам в написании транснациональных историй до тех пор, пока

регионы остаются объектами изучения и не воспринимаются как идеально целостные трансисторические вещи. Переосмысление регионов как виртуальных, детерриториализованных пространств – это еще более радикальный отход от национальной и даже региональной истории в том виде, в котором мы ее знаем. Картирование этого виртуального мира – сложная задача для историков, привыкших наносить перемещения своих акторов на декартову сетку. Инсталляция художника Янаги Юкинори «Тихий океан» (1996 г.) дает художественное артикуляционное выражение нации и региона, позволяющее увидеть эти пространства как постоянно меняющиеся и находящиеся в процессе перекрестного опыления. Его инсталляция состоит из серии цветных флагов, представляющих нации, бывшие колониальные державы и коренные народы, граничащие с Тихим океаном.

Ящики с флагами соединены между собой прозрачными трубками, по которым сотни муравьев переносят разноцветные песчинки с одного флага на другой. В процессе работы муравьи постепенно размывают каждый флаг и создают новые конфигурации национальных символов. Инсталляция Янаги напоминает нам о том, что и страны, и регионы постоянно находятся в процессе разрушения и восстановления, и никогда не бывают столь целостными, как хотелось бы их архитекторам. Фокусировка на муравьях и цепях, по которым они мигрируют, позволяет увидеть регионы и нации как процессы, находящиеся в движении, а не просто фиксированные вещи. Сосредоточение внимания на мигрантах, пересекающих границы, – один из способов представить себе регионы как серию путей, которые не только связывают различные нации, но и коренным образом преобразуют их в ходе этого процесса.

1.1.5.3. Границы регионов

Под границами обычно понимаются пространственные границы между политическими режимами; в более абстрактном смысле они могут относиться и к культурным символам, составляющим идентичность. Границы разделяют и объединяют, очерчивают и разграничивают, препятствуют и способствуют. Являясь продуктом детерриториализации государств, границы представляют собой знаки суверенитета и власти государства на данном пространстве. Оборонительные устройства государств на границах включают в себя стены, заборы, контрольно-пропускные пункты, войска, а также труднопроходимые природные барьеры. Границы между странами вызывают повышенный интерес историков, которые исследуют взаимодействие между государствами, государство и его местные сообщества, а также формирование наций и государств, участвующих в строительстве границ. Хотя международные границы выглядят на картах как четкие линии, они конструируются, обсуждаются и оспариваются различными историческими агентами. Исторические процессы, в ходе которых международные границы проводятся или перерисовываются, имеют практические последствия, способные изменить жизнь людей, а также трансформировать сообщества в пограничных районах.

Под пограничными территориями обычно понимаются участки, разделенные и соединенные границами, где происходят политические, экологические и культурные контакты, споры или взаимодействие различных сил. Территориальные пограничные пространства имеют свои особенности, отличные от тех, где нет границ или пограничных вопросов. Антропологи часто используют пограничные территории для обозначения культурных пространств, где концептуальные, символические и социальные маркеры разделяют и соединяют наборы дихотомий, таких как «мы» и «они», «старое» и «новое», «центр» и «окраина», «большинство» и «меньшинство», «город» и «село». Термины «граница» и «рубеж», «фронт» и «пограничная полоса» часто используются в англоязычных публикациях как взаимозаменяемые. Тем не менее, в специализированных исследованиях пограничных территорий они в определенной степени отличаются друг от друга. Франкское слово, от которого произошло слово «граница», *bord*, буквально означает деревянные борта корабля. Слово «фронт» происходит от слова *front*, означающего «перед». Границы и бордеры взаимозаменяемы, когда речь идет о разделительных линиях между народами и культурами, но границы чаще всего обозначают географические линии на картах, а фронты чаще используются в исследованиях идентичности. Если в истории США границы были популярным предметом исследования и рассматривались как важный элемент пионерского и экспансионистского прошлого цивилизации этой страны, то в британском английском языке этот термин часто обозначает отдаленные и сельские районы с негативным оттенком. Иногда в исторических исследованиях вместо термина «границы» выбирают термин «borderlands», чтобы избежать шовинистических представлений о границах, которые Фредерик Тернер определил как «места встречи дикости и цивилизации», или о продвижении США в так называемые «пустые земли». По ряду причин историкам боров еще предстоит разработать комплексное исследование терминов, используемых в качестве эквивалентов терминов «фронт» или «пограничье» в западных контекстах. Кроме того, эти ученые редко концептуализируют границы и бордерленды вне контекста американской или европейской истории, а также колониальных исследований, связанных с Западом. Например, существует целый ряд терминов, используемых в качестве китайских эквивалентов для обозначения границ и пограничных территорий в различных исторических условиях. Среди них «бянь» и «цзе» наиболее употребительны для обозначения границ, а «бяньсай», «бяньчуй» или «бянь-цзян» – как для пограничных, так и для приграничных территорий. Их коннотации были связаны с изменениями в восприятии правящими данами своих отношений с жителями собственно Китая в течение длительной эпохи династических перемен (III в. до н.э. – 1912 г.). Исторические и современные пограничные территории в нашем мире можно разделить на четыре типа в соответствии с различиями в процессах их переформирования, структурах, а также международных/внутринациональных отношениях. Эти четыре категории не обязательно исключают друг друга с течением времени. Во-первых, это

спорные и отчужденные приграничные территории, где политические силы соперничают за территорию, где часто происходят военные столкновения и этнические конфликты. В этих случаях часто наблюдается недостаток или отсутствие трансграничных потоков людей, товаров и информации. Кроме того, нередко нарушается процесс развития местной экономики. Примером может служить Кашмир между Индией и Пакистаном во второй половине XX века. Ко второму типу относятся коллаборационистские и взаимозависимые приграничные территории, где страны с обеих сторон зависят друг от друга в экономическом и культурном плане при неравном или неравноправном партнерстве, как в регулируемых, так и в нелегальных формах. Пограничный опыт влияет на структуру сообщества и изменение идентичности местных жителей, пересекающих границы. В качестве примера можно привести границы между США и Мексикой, Китаем и Северной Кореей. Третью категорию составляют интегрированные пограничные территории, где страны, имеющие культурное, экономическое и этническое сходство с обеих сторон и часто являющиеся стратегическими союзниками, сохраняют свои границы неограниченными с целью обмена ресурсами. В качестве примера можно привести американо-канадские границы и границы большинства стран Европейского союза. Наконец, существуют исторические пограничные территории, где в прошлом возникали международные споры, но где в результате недавней территориализации современных государств эта территория была включена, твердо или неустойчиво, в сферу их суверенитета или превращена в независимое государство; например, территории вдоль Великой китайской стены, Северная Ирландия, Сингапур после 1965 года. Изучение пограничных территорий в истории и антропологии характеризуется развитием исследований по следующим четырем основным темам. Переговоры о границах, оспаривание территории и поддержание суверенитета были основными темами в дипломатической и военной истории, посвященной государству. Недавние исследования в области картографии (географии) и влияния изменения границ на местность внесли новый вклад в наше понимание несоответствия, или даже напряжения или конфликта, между воображаемой нацией и делимитацией государства. Границы государства не обязательно соответствуют этническим, языковым или культурным границам. Пограничные подходы помогают проанализировать отношения власти между международными силами, государственными органами и местными элитами, которые конкурируют друг с другом за контроль над регионом. В качестве примера можно привести работу Виничакула Тхонгчая по картографированию тайской нации и книгу Ласло Киирти о месте Трансильвании в венгерском воображении. Границы изменчивы и пересекаемы. Когда они пересекают сообщества людей и когда люди пересекают границы, этническая или национальная идентичность жителей приграничных районов и пересекающих границы часто трансформируется. В связи с этим транснациональная перспектива внесла свой вклад в понимание того, как пограничная жизнь конструирует идентичность в терминах

национальности/гражданства, этнической принадлежности, пола или рода занятий. Они отличаются от конструирования идентичности в других местах государства, поскольку государство обычно использует свои полномочия по регулированию и управлению повседневной жизнью жителей приграничных районов, применяя иные стратегии и политику, чем жители внутренних районов.

Изучение глобализации экономической сети, а также расширение трансграничного рынка труда также требует транснационального подхода. Контрабанда, трафик людей, международные организации и торговая система, а также международное право бизнеса заслуживают дальнейшего изучения в этой области. Книга Эрика Тальякоццо, посвященная истории контрабанды в Юго-Восточной Азии, иллюстрирует богатство этих аспектов. В последних исследованиях, посвященных морским границам – долгое время остававшейся без внимания области пограничных исследований, – рассматривается экономическая деятельность и транспорт, пересекающий границы в сопредельных регионах побережья. Наконец, пограничные территории по-разному воспринимаются в различных временных или пространственных условиях. Они также представлены нефизическими символами в литературе, искусстве и языках. Исследования коммуникации и памяти открыли еще одно окно для понимания рефлексии пограничного опыта. Майкл Рослер и Тобиас Вендль проиллюстрировали научную сторону этого вопроса, а Глория Анзальдуа в книге «Пограничные земли» (*Borderlands La frontera*, 1987) создала мощную смесь автобиографии и истории. Исторические исследования пограничных территорий демонстрируют разные закономерности развития в американских, европейских, африканских и азиатских субполях. Сравнительно недавно ученые, изучающие пограничные территории в американской, африканской и европейской истории, больше общались друг с другом, чем с азиатскими исследователями. В области истории США темы, связанные с американо-мексиканской границей, хорошо изучены. Книга Герберта Юджина Болтона «Испанские пограничные земли: хроника старой Флориды и Юго-Запада», вышедшая в 1921 г., считается наиболее заметным началом «пограничной истории» в этой области. Болтон и его ученики обратили внимание на испаноязычный аспект истории американского пограничья и исследовали альтернативный подход к основополагающему описанию американского пограничья Фредерика Джексона Тернера. К 1930-м годам ученики Болтона привлекли внимание других ученых к этому направлению. Популярность этнических исследований в социальных и гуманитарных науках в 1950-е и 1960-е годы привлекла внимание ученых к мексиканским общинам в США. В 1970-х гг. сформировалось новое поколение школы Болтона, которое изучало мексиканское пограничье

как исторический мост между Англией и Латинской Америкой, не ограничиваясь латиноамериканским фокусом и используя транснациональную перспективу. С 1990-х годов многоязычные материалы и междисциплинарный подход позволили ученым рассмотреть, какой вклад может внести история

пограничных территорий США в теоретическую разработку исследований пограничных территорий и в изучение таких общих тем, как идентичность, глобализация, иммиграция и гендер. Изучение пограничных территорий в европейской истории стало бесценным интеллектуальным наследием для многих поколений ученых, начиная с исследований Люсьена Февра о Рейне, рассматривавшемся как граница между тевтонским и галльским мирами, и заканчивая исследованиями Питера Сахлинса об изменении отношений между государствами и местным обществом в ходе исторического процесса территориальной иерархии современных Испании и Франции в долине Серданья. Тем не менее, в отличие от американской истории пограничных территорий, европейские исследования пограничных территорий изучают более многочисленные места пограничных территорий в истории, охватывают более длительные исторические периоды и разрабатывают междисциплинарные теории и методологии по современным пограничным территориям. Активное политическое, экономическое и культурное взаимодействие европейских стран в рамках современных трансграничных организаций, таких как Европейский союз, также побуждает историков к изучению исторических корней современных проблем и вопросов, связанных с границами и трансграничной деятельностью. Кроме того, смещение границ в недавней и современной Европе, в частности в Восточной Европе и на территориях бывшего Советского Союза, дает историкам, культурным географам, политологам, социологам и антропологам прекрасные возможности для исследования не только конструирования наций и идентичностей, но и стратегий управления государственными механизмами в новообразованных пограничных районах, включенных в состав существующего государства, а также национализированных территорий исторических пограничных районов, которые начали претендовать на независимую государственность.

Ученые, изучающие африканские пограничные территории, присоединились к тенденциям исторических исследований в США и Европе и развили теоретические дискуссии о пограничных территориях, начиная с 1980-х годов. Государственные границы в Африке несут на себе явные следы европейского колониализма: искусственность очертаний границ, впервые определенных европейскими договорами, нестабильность политических группировок, а также заметность активных международных организаций. Благодаря сравнительному подходу исследователи истории Африки приносят в эту область новые темы и вопросы, а также более широкий анализ альтернативного опыта пограничных территорий. Ученые в этой области провели глубокие исследования по таким темам, как сходство в искусственности проведения границ между европейскими и африканскими странами, международные законы и договоры о границах, демаркация ментального пространства, экологическая деятельность, разрыв культурного пространства и трансграничные этнические группы.

Исследования пограничных территорий в азиатском регионе имеют меньше связей с американскими и европейскими учеными. В то время как западные ученые изучили лишь ограниченное количество азиатских работ по данной тематике, ученые в Азии активно не рассматривали и не интегрировали теории и методологию пограничных территорий, выходящие за рамки пограничного подхода Тернера. Ученые, работающие в Азии, изучали такие темы, как границы азиатских империй в досовременной истории, картография национальных границ, контрабанда через границы Юго-Восточной Азии, наследие европейской колонизации в азиатских пограничных районах, сочинения путешественников, этнонационалистические движения, реконфигурация идентичности людей, живущих в пограничных регионах или через границы, а также исторические отношения между сообществами и институтами через границы. Ученые, занимающиеся изучением пограничных территорий в Восточной Азии, унаследовали академическую традицию сочетания архивных и археологических методологий от исследований доказательств в позднеимперском Китае. В течение последнего столетия западные этнографические подходы и методы оказывали все большее влияние на изучение пограничных территорий в Восточной Азии. Тем не менее, в исследованиях пограничных территорий в странах Восточной Азии часто используется линейная структура национальной истории. Исследования по истории и этнографии пограничных территорий, касающихся спорных границ или приграничных регионов, оказывают значительное влияние на современные дипломатические отношения между странами Восточной Азии. В рамках азиатских исследований приграничные территории не обязательно используют терминологию и теории, применяемые в европейских и американских исследованиях пограничных территорий. В то время как историческое изучение пограничных территорий в Центральной Азии находится в стадии становления, геополитические исследования этой области тесно связаны с современными событиями. За последние полвека были созданы и активно действуют организации, занимающиеся проблемами границ и пограничных территорий, проводящие междисциплинарные исследования, публикации, организующие конференции, а также разрабатывающие политику. К числу активно действующих организаций относятся Ассоциация по изучению пограничных территорий, созданная в 1976 г. как Ассоциация исследователей пограничных территорий в США и выпускающая журнал *Borderland Studies*; Центр истории и географии пограничных территорий Китая при Китайской академии социальных наук; Ассоциация европейских пограничных регионов; Неймегенский центр по изучению пограничных территорий (Нидерланды); Центр региональных и трансграничных исследований (Россия); Датский институт по изучению пограничных регионов. Крупные международные организации, такие как Европейский Союз и Азиатско-Тихоокеанское экономическое сотрудничество (АТЭС), спонсируют проекты и программы, касающиеся границ и пограничных территорий. Такие характеристики пограничных территорий, как «срединное пространство», «контактная зона»,

«спорное пространство» или «промежуточный мир», требуют от ученых особого подхода к предмету исследования. Многоязычные материалы, многосерийные архивные и полевые проекты, а также междисциплинарная методология послужили основой для многих последних публикаций, посвященных пограничным территориям.

Современная глобализация не превращает человеческие общества в безграничный мир. В разных регионах и эпохах пограничные территории понимаются, воспринимаются и проживаются одинаково или по-разному. В то время как изучение пограничных территорий дает историкам возможность наблюдать и изучать исторические изменения, происходящие во временном и пространственном плане, транснациональный подход позволяет исследователям пограничных территорий анализировать динамическое взаимодействие между историческими агентами в пограничных территориях, а также социальные последствия создания и снятия границ.

1.1.5.4. Классификационные подходы к изучению регионов

Единого определения понятия «регион» и касающихся его процессов не существует. Термин «регион» появился относительно недавно, ему предшествовало понятие «провинция» – собирательное имя для территориальных образований.

Регион (от лат. regio – область, район) – определенная территория государства или нескольких государств с однородными природными условиями и характерной направленностью развития производительных сил на основе сочетания комплекса природных ресурсов с соответствующей сложившейся материально-технической, производственной и социальной инфраструктурой, а также своеобразием социально-политических условий. Иными словами, регион – это определенная территория, обладающая социально-территориальной общностью, целостностью и взаимосвязью её составных элементов (при этом зависящая от ракурса, выбранного исследователем).

Политолог К. Дойч дает свое определение понятия «регион» – группа стран, которые по многим параметрам больше взаимосвязаны между собой, чем с иными странами.

Определение понятия «регион» Э. Маркузен трактует как исторически эволюционирующее, территориально компактное сообщество, которое содержит в себе физическое окружение, социально-экономическую, политическую и культурную среду, а также пространственную структуру, отличную от иных регионов и территориальных единиц, таких как город или нация.

Другой исследователь М. Рассет предпринимал попытки определения понятия «регион» посредством выделения основных критериев. Он выделяет следующие пояснительные опоры:

- 1) регионы в социальном и культурном отношении однородны;
- 2) регион образован из государств со схожими политическими свойствами;

3) политически взаимозависимые регионы связаны между собой через системы национальных и межправительственных политических структур;

4) экономически взаимозависимые регионы связаны между собой межрегиональной торговлей и т.д.

В настоящее время существуют географический, политический, социально-экономический, экологический, информационный, цивилизационный и другие подходы к классификации регионов. В целом ученые делят регионы на две группы: однородные и функциональные регионы.

Однородные регионы подразделяются на следующие:

1) естественные регионы, чьи очертания определяют общие топографические, климатические и иные природные характеристики (Нордический регион);

2) регионы с сильно выраженным чувством общей культурно-исторической идентичности (Скандинавия);

3) экономически развитые регионы с объединяющим их общим типом промышленного производства («Большая Волга»).

Составные части функционального региона изначально необязательно схожи. Создание таких регионов предполагает взаимодействие и интеграцию внутренних, чтобы в конечном итоге собираемые вместе территориальные компоненты были взаимодополняемыми.

Н. Вигеланд, исходя из функционального подхода, подразделяет регионы на функциональные, культурные и административные:

1) функциональный регион имеет узкую и специфичную цель взаимодействия и концентрируется на получении некоторых выгод в рамках определенного сектора посредством регионального сотрудничества (торговля, таможенная политика, образование, интеграция);

2) культурный регион (общее наследие, язык, обычаи и т.п.) формирует ориентированную на себя однородность на определенной территории. Характерной для культурного региона является деятельность «снизу-вверх»;

3) административный регион касается государственной административной структуры.

Таким образом, основные определения и классификации региона отражают многогранную и сложную действительность, которая окружает данное понятие.

Кроме того, особенность современного региона состоит в том, что они переходят в новую фазу своего развития, регион выходит за рамки межрегионального взаимодействия внутри страны и начинает выходить на международную арену (торговые отношения, привлечение инвестиций и т.д.), а также взаимодействовать с административными регионами соседних стран. Также необходимо учесть и активное уплотнение социального пространства международных регионов под действием макропроцессов.

Иную трактовку понятия дали Б. Хеттне и Ф. Содербаума. По их мнению «регионность» – это процесс регионального развития, который включает в себя три стадии:

1) предрегиональную, в которой потенциальный регион образует социальную и географическую часть;

2) регионализации, на которой создаются формальные и неформальные пути для регионального сотрудничества, и именно она выступает существенным фактором в развитии регионов;

3) исход процесса регионализации – формирование особенностей и целостности региона.

Б. Хеттне и Ф. Содербаума в какой-то степени упорядочили различные взгляды на эволюцию региона и региональные макропроцессы.

Как и многим другим системам, региону приходится испытывать такие явления, как рост и развитие, застой и упадок, а также и регионализация.

В современном мире все региональные системы международных отношений прошли через предрегиональную стадию и стадию регионализации, по поводу определения которой у большинства ученых возникают споры. Многие соотносят его с понятием «региональная экономическая интеграция».

1.1.6. Модели регионального взаимодействия и сотрудничества

1.1.6.1. Региональные сообщества

Региональные сообщества подразумевают группы людей, живущих вместе друг с другом и разделяющих чувство принадлежности к определенной географической зоне. В широком смысле региональное сообщество состоит из «ограниченного числа государств, связанных географическими отношениями и определенной степенью взаимной зависимости», чьи общие приверженности, ценности, интересы и принципы могут быть или не быть оформлены в виде формальной организации. Примерами формальной организации могут служить Организация Североатлантического договора (НАТО), Европейский союз (ЕС), Организация африканского единства (ОАЕ), Ассоциация государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН). Как видно из номенклатуры, коллективная идентичность регионального сообщества должна быть обусловлена некой географической близостью, которая связывает воедино отдельные группы. Однако одной лишь географии недостаточно. Исторически сложилось так, что в формировании и сохранении региональных сообществ важную роль играют различные факторы: история, культура, распределение возможностей, экономические интересы, идеологические различия. Поскольку эти сообщества, как правило, решают широкий круг вопросов, охватывающих экономические, корпоративные и культурные интересы, государства и правительства не всегда являются единственными участниками их развития, хотя зачастую они остаются основными образующими единицами.

Кроме того, современные явления, имеющие глобальные последствия, такие как транснациональный терроризм, политизированные религии с глобальными претензиями, распространение информационных технологий, также усложняют наше понимание региональных сообществ.

Региональные сообщества и национальное государство. Наилучшим способом концептуального подхода к этой сложной теме региональных сообществ может быть понимание различных комбинаций напряженности и многослойности идентичностей, составляющих региональные сообщества. Их необходимо понимать на двух взаимосвязанных, но различных уровнях, а именно на уровне национального государства и на транснациональном уровне. Во-первых, в рамках традиционной матрицы национального государства многие национальные государства, включая США, Германию, Бразилию и совсем недавно Ирак, обращались к федерализму как к предпочтительному способу примирения своих межнациональных региональных сообществ с более широкой идентичностью национального государства. Однако не стоит забывать, что и те национальные государства, которые выбрали более сильную центральную власть, сохранили свои региональные особенности. Мысль о том, что сицилийцы или окинавцы по темпераменту отличаются от своих соотечественников из Венето или Хоккайдо в Италии и Японии соответственно, показывает, что претензии на региональные различия и уникальность трудно преодолеть.

Они даже могут выдерживать натиск и давление централизованной национальной идентичности в течение длительного периода времени. На транснациональном уровне региональные сообщества заставляют национальное государство отказываться от определенной доли своей идентичности и суверенитета в пользу коллективных интересов региональной структуры. В этом случае национальные государства становятся составными частями более крупной региональной федерации. Это создает потенциальную возможность столкновения между национализмом и регионализмом. Например, подозрение в том, что усиление регионального сообщества подорвет политические силы стран-участниц, лежит в основе европейских дискуссий со времен Второй мировой войны. Однако эмпирические данные свидетельствуют о том, что европейская интеграция скорее «спасала», чем подрывала политическую мощь стран-участниц. Согласившись отказаться от части государственного суверенитета, они смогли сконцентрироваться на восстановлении своих национальных сообществ, не решая в одиночку серьезные экономические и стратегические задачи.

Похоже, что совпадение интересов национального государства и Европы по-прежнему достаточно велико, чтобы вытеснить потенциальное напряжение между ними. Мысль о том, что кто-то из Барселоны может мирно сочетать каталонскую, испанскую и европейскую идентичности, говорит об относительном успехе европейского проекта. Конечно, европейский пример нельзя рассматривать как репрезентативный. То, что заставляет отдельные единицы объединяться, варьируется от региона к региону и от обстоятельств к обстоятельствам. Традиционно двумя основными сферами регионального взаимодействия в международной политике считаются сферы безопасности и экономики. Теперь мы обратимся к более конкретным аспектам и истории таких

региональных сообществ в сфере безопасности и экономики в современную эпоху.

Сфера безопасности. Союз безопасности – один из древнейших и наиболее устойчивых источников регионального сообщества. Древние греки, например, создавали региональные конфедерации, состоящие из городов-государств, такие как Этолийская и Ахейская лиги. В современной истории распад Европейского концерта XIX века привел к созданию более жесткой и поляризованной системы союзов безопасности, которая оказалась не в состоянии приспособиться к вновь возникающим национализмам внутри и вне ее, что в конечном итоге привело к началу двух мировых войн. За мировой войной последовала попытка создания международной структуры, которая стремилась вывести дипломатию за рамки традиционной концепции альянсов. Создавая глобальную систему коллективной безопасности путем учреждения межправительственных организаций, таких как Лига наций и Организация Объединенных Наций, интернационалисты межвоенного и послевоенного периодов пытались разорвать шаблон региональных систем союзов, в которых потенциальная угроза определялась заранее. Однако ощущаемая несостоятельность или общая неэффективность систем коллективной безопасности в сочетании с наступлением биполярности времен «холодной войны», основанной на ядерном сдерживании, послужили толчком к возрождению региональных сообществ. Сформированные на региональном уровне системы селективной, а не коллективной безопасности с гораздо более целенаправленным восприятием общей угрозы представлялись более реалистичной альтернативой в политике безопасности времен холодной войны.

Одним из наиболее ощутимых плодов регионального альянса, основанного на этой концепции избирательной безопасности, в годы «холодной войны» стало НАТО, так же известное как Атлантический альянс. Начало ему положил договор, подписанный западноевропейскими державами, Канадой и США в 1949 году. Его основная роль в период «холодной войны» заключалась в создании военного альянса против возможного советского нападения. Советский Союз в ответ на перевооружение Федеративной Республики Германии и ее вступление в НАТО создал в 1955 г. свой вариант регионального оборонительного союза, получивший название Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи, более известный как Варшавский договор. Так и на периферийном театре «холодной войны» в 1954 г. под руководством США, в условиях распада Британской и Французской империй, возникла Организация Договора о Юго-Восточной Азии (СЕАТО). По сравнению со своим атлантическим аналогом она не имела такой географической привязки и общего восприятия угрозы, поскольку многие страны Юго-Восточной Азии сами предпочли не вступать в нее. Смысл существования организации сошел на нет с завершением конфликтов в Индокитае, и в 1977 г. СЕАТО была официально распущена. НАТО и Варшавский договор были связаны с ощущаемыми военными угрозами, исходящими друг от друга.

Кроме того, коллективная идентичность двух региональных оборонных организаций во многом зависела от идеологических различий между двумя блоками. С окончанием «холодной войны» их существующие смыслы неизбежно должны были быть пересмотрены. Варшавский договор не пережил распада СССР, а НАТО пришлось трансформировать свою традиционную роль, по словам первого генерального секретаря лорда Исмея, «держать Советы вне, американцев внутри, а немцев внизу», чтобы приспособиться к новым требованиям эпохи после холодной войны. Расширив свой состав за счет стран Центральной и Восточной Европы, сместив акцент на этнические конфликты в бывшем советском блоке и сохранив при этом настороженность по отношению к остаточному потенциалу России, НАТО сохранила свою сдерживающую функцию, а также роль политического инструмента, способствующего созданию регионального единства и тем самым обеспечивающего выживание этого регионального сообщества.

Экономическая сфера. В этой сфере окончание Второй мировой войны и наступление «холодной войны» также послужили основным катализатором возникновения региональных сообществ. При этом не стоит отрицать, что различные формы экономических региональных сообществ существовали и ранее. В качестве примера можно привести китайскую трибутарную систему, в рамках которой правители нижестоящих государств получали от регионального гегемона не только политическую легитимность, но и выгоды в торговых отношениях. Другой пример – объединение балтийских и североευропейских купцов, реализованное в Ганзейском союзе. Но в современную эпоху волны деколонизации и все более мощное выступление коалиции стран «третьего мира» за повышение социально-экономического благосостояния в виде теории зависимости, проблемы «Север-Юг» и движения неприсоединения вызвали в мире тенденцию к активному формированию политико-экономических региональных союзов. Это отразилось на трех основных географических телах – Америке, Африке и Азии.

Опасение экономической маргинализации в условиях господства конкуренции в области свободной торговли под руководством США побудило менее развитые латиноамериканские страны, зависящие от импорта, искать объединение сил в рамках региональной экономической интеграции. В Центральной Америке в течение 1960-х годов предпочтение отдавалось протекционистской политике импортозамещения и другим видам внутрирегиональной координации, включая создание таможенного союза и центрального банка в рамках Центральноамериканского общего рынка (САСМ). Последующие военные конфликты между странами-участницами и рост региональных беспорядков, вызванных сандинистами и военными действиями США в 1970-е и 1980-е годы, препятствовали дальнейшему развитию экономического регионализма в Центральной Америке, хотя в начале 1990-х годов последовало возрождение ЦАКМ в качестве предпочтительной основы региональной экономики. В Южной Америке создание в 1991 г.

Южноамериканского общего рынка (МЕРКОСУР), в который вошли два региональных гиганта – Аргентина и Бразилия, – позволило противостоять как экономической, так и политической маргинализации региона. Более широкие группировки, такие как Организация американских государств (ОАГ, бывший Панамериканский союз), созданная в 1948 г., и недавно заключенное в 1993 г. Североамериканское соглашение о свободной торговле (НАФТА), создали в Латинской Америке многочисленные рамки для борьбы не только с проблемами бедности, но и с экологическими и политическими вызовами.

В Африке и Юго-Восточной Азии аналогичный страх перед политической и экономической маргинализацией привел к появлению различных региональных групп, таких как Экономическое сообщество государств Западной Африки (ЭКОВАС), Союз арабского Магриба (САМ), Зона преференциальной торговли Восточной и Южной Африки (ЗПТ), Южноафриканский координационный комитет по развитию (ЮККР), но пока с ограниченным успехом. Слишком часто соперничество между претендентами на роль региональных лидеров, а также внутренние конфликты внутри стран-участниц создавали серьезные политические проблемы для африканской экономической системы. В этой связи Организация африканского единства (ОАЕ, ныне Африканский союз (АС)), панафриканская организация, созданная в 1963 г., сталкивается с давней проблемой урегулирования внутривнутриполитических и социальных кризисов в странах-членах до решения экономических проблем. В Юго-Восточной Азии, напротив, удалось относительно успешно сформировать чувство регионального сообщества благодаря созданию Ассоциации государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН). Несмотря на упомянутую выше неудачу СЕАТО, АСЕАН, образованная в 1967 г., стала полезным, хотя и несовершенным, форумом для внутривнутрирегионального диалога. Несмотря на постепенный и ограниченный рост экономической интеграции в масштабах АСЕАН, сообщество стало легитимным и уважаемым региональным образованием, сделав упор на сотрудничество и диалог с другими державами, не входящими в АСЕАН, такими как Китай, Тайвань и Япония.

Азиатско-Тихоокеанское экономическое сотрудничество (АТЭС), основанное в 1989 г. и объединяющее 21 страну Тихоокеанского региона, включая такие неазиатские державы, как Австралия, Новая Зеландия и США, открывает другие возможности и расширяет традиционные региональные экономические рамки, в первую очередь АСЕАН. Но самой заметной экономической интеграцией в мире после Второй мировой войны остается ЕС. Перед еврократами послевоенного периода стояла актуальная задача восстановления разрушенных войной европейских экономик. Параллельно с НАТО в 1951 г. было создано Европейское объединение угля и стали (ЕОУС), целью которого было содействие производству угля и стали в Европе, чтобы Германия и Франция больше не воевали из-за ресурсов. Последующее развитие ЕССС в Европейское экономическое сообщество (ЕЭС) в 1957 г., Европейское сообщество в 1967 г. и ЕС в 1992 г., а также введение единой валюты евро в 1999

г. и принятие в ЕС десяти новых государств из бывшего советского блока в 2004 г. показывают, что к настоящему времени ЕС вышел за рамки своей первоначальной роли регионального органа, занимающегося исключительно вопросами экономического развития.

Углубление европейской интеграции, нашедшее отражение в ее институтах, в которых страны-члены уступают все большую долю государственного суверенитета, и широкий круг вопросов, решаемых ЕС, – от дипломатических, социальных до экологических и научных – во многом способствовали укреплению европейского единства. Расширение Европы за счет присоединения новых членов после окончания холодной войны также стимулировало дискуссию о том, что именно является границами Европы. Однако каким бы ни было углубление или расширение, путь к интеграции никогда не был и, возможно, никогда не будет гладким, учитывая потенциальные противоречия между национализмом национальных государств и более крупными региональными альянсами, как уже отмечалось.

Более того, раскол Европы происходит уже не столько от национализма стран-участниц, сколько от недовольства граждан политическими элитами своих стран. Политизированные религии с глобальными амбициями, в первую очередь политизированный ислам, в последнее время добавили новое измерение. Ислам в последнее время привнес новое измерение в дискуссию о развитии региональных сообществ. Можно рассмотреть, например, случай с молодыми джихадистами в Европе. Гражданин Великобритании пакистанского происхождения или Нидерландов марокканского происхождения, имеющий паспорт ЕС, открывает для себя политический ислам из чувства унижения и изоляции в единственном известном ему обществе, читающий Коран в английском переводе в Интернете, может быть убежден в необходимости убивать неверующих у себя дома во имя блага сообщества верующих в других странах. Это, в свою очередь, может привести к росту оборонительного консерватизма в Европе, что затруднит интеграцию иммигрантов и их потомков и сделает их более британцами, голландцами, французами или вообще европейцами. Является ли европейское развитие (т. е., рост напряженности между «регионом против глобального» в противовес «региону против национального государства») предвестником естественного развития всего остального мира, сказать трудно. Но в условиях все более глобального и все менее географически привязанного характера безопасности, а также экономических угроз, нависших над миром, похоже, что ни одно региональное сообщество не останется незатронутым.

1.1.6.2. Регионализация и регионализм

Регионализация – это процесс регионального структурирования пространства, повышения роли регионов в социально-экономической и политической жизни общества и ее граждан. В этой связи выделяют социокультурную, экономическую, политическую и другие формы

регионализации. Исторически данные формы сформировывались и развивались параллельно, и в некоторых случаях предшествовали друг другу, что позволяло укрепить взаимосвязь, протекающую благодаря тем или иным определенным факторам. К примеру: в Европе – христианство, на Ближнем, Среднем Востоке – ислам, в Азии – буддизм, конфуцианство и т.д.

Иными словами, регионализация – это следствие международного разделения труда, увеличения влияния внешних факторов на воспроизводство, требующего выхода производства за национальные границы, а также инструмент оптимизации экономики, служащий средством поддержания относительного равновесия в неравенстве стран.

Другим региональным макропроцессом следует отметить регионализм, который еще не получил широкого общепризнанного определения. Данное понятие возникло в Европе в XIX в. Западные ученые рассматривают его в качестве государственного вмешательства, политического курса, а также и в виде защиты интересов региона(ов). С. Тарроу отмечает: «Есть важное различие между регионализмом как политическим курсом или совокупностью политических курсов, регионализмом как идеологией государственного вмешательства и регионализмом как организационной основой для защиты периферийных территорий». Кроме того, многие исследователи подчеркивают, что идеи регионализма нашли истоки в культурных и исторических традициях регионов и ценностях региональных укладов общественной жизни.

А. Макарычев выделяет двояковыраженность регионализма:

1) пассивная регионализация, определяемая общей идентичностью, культурой, историей, географией;

2) целенаправленная и активная деятельность по созданию региональных политических институтов под воздействием как правительств, так и субнациональных управленческо-административных единиц.

Он выделяет «интегративный» / «ассоциативный» регионализм и диссоциативный регионализм.

Под первым типом регионализма предполагается объединение соседних территорий по экономическим, культурным, политическим или военным соображениям.

Второй тип тесно связан с такими понятиями, как децентрализация, территориальная идентичность, локализм, региональная автономия.

В последнее время исследователи стали широко использовать такие понятия, как открытый и закрытый регионализм.

«Открытый регионализм» подразумевает рассмотрение экономического развития и интеграционного взаимодействия стран региона в контексте развития мировой экономики, он находится в русле экономической глобализации и служит своеобразной предпосылкой, этапом, предшествующим глобализации мировой экономики.

«Закрытый регионализм», напротив, является противником глобализации и нацелен на защиту региона от негативных последствий глобализации. Он основывается на принципе «опора на собственные силы».

Идея закрытого регионализма, по существу, есть идея протекционизма.

В заключение отметим, что трансформационные региональные макропроцессы, происходящие в современном мире, сильно влияют на содержание региональных подсистем, место и роль в мировой политической и экономической сферах, а также на геополитические рамки регионов.

Макропроцессы, такие как регионализация и регионализм, получают еще большее распространение и динамику развития. В них, как показывает практика, заинтересованы большинство участников международных отношений.

Проблемой в вопросах региональных макропроцессов являются геополитические рамки. В финансовом и политическом планах региональные макропроцессы будут осуществляться, этому способствуют глобальные полюса притяжений и неравенство регионов в части экономических, политических и других аспектах.

Однако особенность региональных макропроцессов – расстояние связей, характеризующих региональную интеграцию, которое всегда будет коррелироваться посредством особенностей и интересов сторон, а также внутреннего их состояния.

1.1.6.3. Эволюция теоретических подходов к изучению регионализма

Одной из главных особенностей изучения регионализма является то, что в разных контекстах и в разные периоды времени регионализм означает разные вещи для разных людей. Даже если мы можем говорить о формирующемся академическом сообществе сравнительного регионализма, существующие разногласия в этой области часто усиливаются таким образом, что подрывают дальнейшие поколения кумулятивного и межрегионального знания. Действительно, как среди ученых, так и среди политиков существует слишком много разногласий по поводу значения регионализма, его причин и последствий, того, как его следует изучать и, не в последнюю очередь, зачем и как сравнивать. Для дальнейшего развития сравнительного регионализма необходимо более глубокое понимание интеллектуальных корней и научного развития этой области. Ученые, занимающиеся сравнительной регионалистикой, должны глубже изучать идеи о регионах и регионализме из разных временных периодов, дискурсов, дисциплин и региональных специализаций, что пока еще редко встречается в современных дискуссиях. отмечает, что «в работах по регионализму редко используется устойчивая историческая перспектива, разве что в ознакомительном и неполном виде».

Распространенное, но несколько ошибочное представление о том, что регионализм – это явление, возникшее после Второй мировой войны, не позволило ученым понять глубокие исторические корни и «глобальное

наследие» регионализма. Короткий временной горизонт в большинстве исследований также привел к преувеличению роли формализованных региональных организаций в ущерб более подвижным типам регионального строительства и регионализма. Даже если различие между старым и новым регионализмом привнесло в дискуссию некоторую историчность, существует также значительная путаница в том, что является «старым» и что «новым» в изучении регионализма. Проблема заключается в том, что различные значения были как неправильно поняты, так и неправильно использованы, что усилило существующие разногласия в этой области. Между старым и новым регионализмом существуют как преемственность, так и сходство, что исключает жесткие временные различия. Многие региональные проекты и региональные организации были инициированы в эпоху старого регионализма (1950–1970-е гг.), но затем возобновлены или вновь открыты в эпоху нового регионализма конца 1980-х и 1990-х годов (часто под новым названием или с расширенным составом участников). В таких условиях трудно отделить историческое от современного. Один из пионеров нового регионализма, Бьорн Хеттне, утверждал, что вместо выделения новой эпохи или новой волны регионализма «я считаю более уместным выявление новых моделей регионализации (сосуществующих со старыми формами)», т.е. новый регионализм в эмпирическом, а не временном смысле. Третье значение понятия «новый регионализм» связано с теорией. Зачастую приставка «новый» добавляется для того, чтобы отличить теоретические новинки от старых рамок, как это наблюдается при использовании терминов «новая политическая экономия», «новая политология», «новые исследования безопасности» и т. д. Понятие «новый регионализм» используется широким кругом ученых, представляющих различные теоретические традиции, которые пытаются выйти за рамки «старых» (классических и ортодоксальных) предпосылок и методологий. Из этого следует, что современные ученые, продолжающие опираться на прежние и ортодоксальные подходы, лишь в редких случаях придерживаются такого понимания нового регионализма. В некотором смысле ортодоксальные ученые хотели бы дистанцироваться от нового регионализма в теоретическом смысле. Идеи и теории (и в некоторой степени даже концепции) регионализма должны быть связаны с политическим контекстом, в котором они развиваются. Действительно, они, по крайней мере в некоторой степени, исторически обусловлены. Например, зарождение наиболее влиятельной теории старого регионализма – неофункционализма – следует понимать в контексте двух европейских мировых войн и скептического отношения к национальному государству. Это вовсе не означает отрицания актуальности неофункционализма в Европе или в более широком и сравнительном смысле.

Из этого утверждения следует, что необходимо различать идеи регионализма и историю регионализма в «реальном мире». Можно выделить четыре общих этапа в научном развитии области: ранний регионализм, старый регионализм, новый регионализм и последний, современный этап регионализма,

условно названный «сравнительным регионализмом». За исключением раннего регионализма, который охватывает обширный спектр идей и традиций из разных пространств и времен, остальные три интеллектуальных дискурса описываются схожим образом. Сначала описывается политический контекст и содержание политики (направление политики, институты и агенты). Затем анализируются теоретические и концептуальные вопросы, программа исследований, способы производства знаний и методология.

Ранний регионализм

Создание различных регионов и региональных сообществ можно проследить на примере богатого разнообразия географически ограниченных империй, королевств, союзов, торговых лиг, пактов, союзов и конфедераций между различными политическими единицами. Пожалуй, наиболее четко исторические траектории прослеживаются в Европе, где наблюдатели ссылаются на многовековую общую историю и политическую мысль, восходящую к Древней Греции. Многочисленные и разнообразные ранние концепции и проекты европейского сотрудничества и единства состояли из различных взглядов на значение культуры и идентичности, безопасности, политической экономики и права. Некоторые идеи европейского единства были ориентированы на внутренний мир и касались внутриевропейских аспектов, в то время как другие были ориентированы на внешний мир и, как правило, стремились защитить Европу от внешнего мира. Кроме того, в отличие от большинства теорий, которые впоследствии были разработаны в рамках старого регионализма, эти ранние идеи редко основывались на конкуренции между объединением Европы и укреплением национального государства. Как отмечают Йёнссон, Тягиль и Тёрнквист, на протяжении всей истории человечества были представлены сотни планов мирного объединения Европы.

В XVI веке гуманисты разных национальностей потребовали объединения европейских государств, прежде всего в качестве ответа на надвигающуюся в то время турецкую угрозу. В конце семнадцатого века наметился набросок европейской лиги наций. Примерно через сто лет немецкий философ Иммануил Кант утверждал, что для прочного мира в Европе необходима федерация государств, основанная на принципах международного права. В революционном 1848 году идея единой Европы получила более широкое распространение. Французский писатель Виктор Гюго выступал за создание Соединенных Штатов Европы, основанных на политической демократии и уважении прав человека. Однако начавшаяся в 1914 году мировая война разрушила все эти надежды. В период между Первой и Второй мировыми войнами были разработаны новые планы интеграции Европы.

Таким образом, многие планы европейского единства и интеграции, разработанные после окончания Второй мировой войны и приведшие к созданию Европейских сообществ (ЕС), имеют глубокие корни. Эти исторические траектории часто упускаются из виду при обсуждении более современных форм

регионализма, по крайней мере, в сравнительных и теоретических дискуссиях. Большинство европейских национальных государств, особенно наиболее могущественных, одновременно являлись колониальными державами. Колониализм повлиял и сформировал идеи о региональном строительстве и регионализме как в Европе, так и на периферии, и эти траектории продолжают влиять на более современные регионалистские идеи и проекты не только в постколониальном мире, но и в современной Европе. Европейские колониальные империи иногда были организованы по региональному принципу, но и антиколониальная борьба также принимала региональные формы. В качестве примера можно привести Африку. «Схватка за Африку» и попытка получить контроль над минеральными ресурсами имели сильные региональные последствия, которые до сих пор оказывают влияние как на теорию, так и на практику африканского регионализма. Действительно, именно в колониальном стремлении к добыче полезных ископаемых мы находим связь между государственным строительством и временным «началом» таких регионов Африки, как Юг Африки. Так, например, Южноафриканский таможенный союз (ЮАС) – старейший из ныне существующих таможенных союзов в мире. Его история восходит к 1889 году и Конвенции о таможенном союзе между британской колонией Мыс Доброй Надежды и бурской республикой Оранжевое Свободное Государство. С созданием Южно-Африканского Союза (в 1910 г.) соглашение было пересмотрено и распространено на территории Британской высшей комиссии (ВКТ) в нынешних Ботсване, Лесото, Намибии и Свазиленде. Вплоть до 1980-х и даже в 1990-е годы в политике Юга Африки доминировала борьба между колониальным блоком/блоком апартеида, с одной стороны, и антиколониальным блоком/блоком апартеида, с другой стороны. Антиколониальный/апартеидный блок постепенно укреплялся, начиная с 1980-х годов, а также набирал силу благодаря существовавшим в то время Организации африканского единства (ОАЕ) и Координационной конференции по развитию юга Африки (ККРЮА); это наследие продолжает влиять на самовосприятие и практику их предшественников – Африканского союза (АС) и Сообщества развития юга Африки (САДК). Колониализм повлиял на формирование регионов и в других частях Африки. Особые отношения между Францией и франкоязычными африканскими колониями/странами имели двоякий характер и оказали влияние на идеи и практику регионализма во франкоязычной Африке. С одной стороны, эти отношения поддерживали имперские мечты Франции, а с другой – бывшие колонии использовали свое франкофонное наследие для развития франкофонного регионализма между собой, иногда в качестве противовеса гегемонистским устремлениям Нигерии. Зона франка КФА (СФА) была колониальной конструкцией, созданной еще в 1945 г., и она до сих пор оказывает влияние на регионализацию в современной Африке. Другие до сих пор существующие механизмы экономической интеграции во франкоязычной Африке, такие как Западноафриканский экономический и валютный союз (УЕМОА) и Центральноафриканский

таможенный и экономический союз (UDEAC), также имеют имперские и колониальные корни.

Регионализм в Латинской Америке – еще один пример глубоких корней и траекторий развития регионализма. Борьба за независимость в Латинской Америке в начале XIX века вызвала чувство единства, которое привело к панамериканизму, а затем и к регионализму на протяжении XX и XXI веков. Симон Боливар (1783–1830) сыграл ключевую роль в борьбе Латинской Америки за независимость от Испанской империи, а также в попытках создания Лиги американских республик с общими вооруженными силами, пактом о взаимной обороне и наднациональной парламентской ассамблеей. Замысел Боливара, выдвинутый на Панамском конгрессе 1826 г., так и не был реализован, в частности, из-за усиления военного национализма и национального соперничества в Латинской Америке на протяжении длительного периода XIX века. О региональном сотрудничестве в Северной и Южной Америке вновь заговорили на Первой международной конференции американских государств, состоявшейся в Вашингтоне в 1889–1890 годах, когда 18 государств основали Международный союз американских республик (впоследствии Панамериканский союз) и приняли решение о периодических встречах. Существует прямая связь между этими Панамериканскими конференциями и современной Организацией американских государств (ОАГ), которая является старейшей (действующей) региональной организацией в мире. Таким образом, регионализм в Латинской Америке имеет глубокие корни, и на протяжении всего периода после обретения независимости многие провидцы, политики и интеллектуалы в Латинской Америке считали регионализм источником силы. Примерно в это же время, в конце 1800-х – первой половине 1900-х годов, возникли и другие панконтинентальные/региональные движения, такие как паневропеизм, панафриканизм, паназиатизм и панарабизм. Эти панрегиональные движения обычно состояли из смеси геополитических, социально-экономических и культурных (иногда даже расовых), а в некоторой степени и функциональных убеждений и целей. Они были многомерными и отражали общие идеи и цели политического и межобщественного единства, а не межгосударственного регионализма в более узком смысле. Панрегионалистские движения принимали несколько разные формы в разных регионах в зависимости от исторического контекста, включая характер колониализма и внешнего господства, но все они «дают жизненно важное представление о траектории развития регионализма в прошлом и настоящем».

Старый регионализм

По мнению многих исследователей, добровольный и всеобъемлющий регионализм – это преимущественно явление, возникшее после Второй мировой войны. Он возник в Западной Европе в конце 1940-х годов и затем распространился на развивающиеся страны. В Европе старый регионализм утратил свою динамику в начале 1970-х годов, а затем постепенно

распространился и в развивающихся странах. Как станет ясно из данного раздела, необходимо попытаться отделить дискуссию в Европе от дискуссии в развивающихся странах.

Региональная интеграция в Европе и за ее пределами. Дебаты о старом регионализме в Европе необходимо рассматривать в контексте разрушительного опыта межвоенного национализма и Второй мировой войны. Как политики, так и ученые обычно рассматривали (вестфальское) национальное государство как проблему, а не решение, и целью «региональной интеграции» было избежать войны. Был выдвинут ряд инициатив, результатом которых стало создание в 1951 году Европейского объединения угля и стали (ЕОУС). Долгосрочная цель была более амбициозной, и в 1958 г. Европейское экономическое сообщество (ЕЭС) и Европейское сообщество по атомной энергии (ЕАЭС) были объединены в Европейские сообщества (ЕС) на основании Римского договора. Наиболее влиятельными теориями в европейском контексте были федерализм, функционализм, неофункционализм, трансакционализм и межправительственный подход. Федерализм, во многом вдохновивший пионеров европейской интеграции, был не столько теорией, сколько политической программой; он скептически относился к национальному государству, хотя его проект, по сути, заключался в создании нового типа «государства». Два итальянских коммуниста-антифашиста, Альтьеро Спинелли и Эрнесто Росси, составили «Вентотенский манифест», который впоследствии привел к возникновению Европейского федералистского движения. Несмотря на то, что Спинелли оставался одной из фигур европейского федерализма вплоть до своей смерти в 1986 году, явного теоретика, связанного с федерализмом, не было. Функционализм был в первую очередь стратегией (или нормативным методом), направленной на построение мира, построенной на том, что обеспечение общих потребностей и функций может объединить людей через государственные границы. Эта школа мысли прочно ассоциируется с работами Дэвида Митрани (1943). По мнению функционалистов, форма должна следовать за функцией, в то время как для федералистов важна прежде всего форма (особенно конституция). Как правило, национальное государство должно быть обойдено, а международное сотрудничество предпочтительнее регионального. Митрани критиковал и федерализм, и неофункционализм на том основании, что и тот, и другой основывались в первую очередь на территории и форме, а не на функции.

Неофункционализм пользовался огромной популярностью в 1960-е годы. Его центральной фигурой был Эрнст Хаас, а рядом с ним – ряд ведущих или вскоре ставших ведущими политологов того времени, таких как Леон Линдберг, Филипп Шмиттер и Джозеф Най, которые написали огромное количество статей для ведущих научных журналов, особенно для *International Organization* и *Journal of Common Market Studies*. Неофункционалисты бросили вызов функционалистам и заявили о большей заботе о центрах силы. Хаас фактически теоретизировал «метод сообщества», предложенный Жаном Монне

(французским дипломатом, считающимся одним из главных архитекторов ЕК). Даже если результатом этого метода могла бы стать федерация, она не должна была создаваться путем конституционного проектирования. Большая часть дебатов о старом регионализме в Европе велась вокруг концепции региональной интеграции, которую Хаас определил как «процесс, в ходе которого политические акторы в нескольких различных национальных средах убеждаются в том, что их лояльность, ожидания и политическая активность смещаются в сторону нового центра, институты которого обладают или требуют юрисдикции над ранее существовавшими национальными государствами». Неофункционалисты делали упор на целенаправленную разработку региональных институтов, которые рассматривались как наиболее эффективное средство решения общих проблем в стратегических секторах экономики. Инициаторами создания таких институтов и наднациональных органов власти должны были выступать государства, но затем региональные бюрократы и самоорганизованные группы интересов становились важными участниками этого процесса. Региональные институты, в свою очередь, способствовали созданию функциональных, политических и культурных переливов, которые в конечном итоге привели к переопределению групповой идентичности «за пределами национального государства» вокруг региональной единицы и региональных институтов. В конце 1960-х – начале 1970-х годов неофункциональное описание (и предписание) все больше отдалялось от эмпирического мира, в котором теперь доминировал национализм Шарля де Голля.

Ключевой фигурой межправительственного подхода к региональной интеграции стал Стэнли Хоффманн (1966). В отличие от неофункционалистов, Хоффманн объяснил, что региональная интеграция не будет распространяться из сферы низовой политики (экономики) в сферу высокой политики (безопасности). Региональная интеграция происходит лишь до тех пор, пока она совпадает с национальными интересами, «увлекая за собой нацию с ее багажом воспоминаний и проблем». Таким образом, образ ЕК стал расходиться. Подход Карла Дойча к сообществам безопасности также должен быть упомянут в любом разговоре о региональной интеграции. Как и Эрнст Хаас, Карл Дойч был одним из наиболее признанных политологов своего времени. Основная гипотеза Дойча заключалась в том, что чувство общности и доверия напрямую связано с уровнем транзакций и коммуникаций между народами и государствами. В этом смысле не существует принципиальной разницы между национальным и региональным сообществом, и поэтому Дойч был несколько менее скептичен по отношению к национализму и национальному государству, чем многие другие исследователи региональной интеграции в период старого регионализма. Хотя подход Дойча часто упоминался в дискуссиях о безопасности и региональной интеграции, он не был центральным с точки зрения эмпирических исследований. Интеллектуальные споры конца 1960-х – начала 1970-х годов носили прежде всего концептуальный и онтологический, а не эпистемологический характер.

Джозеф Най ссылался на фундаментальную концептуальную путаницу (1968 г.), а Дональд Пучала использовал известную басню о слоне и слепцах, сетуя на то, что «более пятнадцати лет определений, переопределений, уточнений, моделирования и теоретизирования не привели к созданию удовлетворительных концепций того, что именно мы имеем в виду, когда говорим о "международной интеграции», и что именно мы пытаемся изучить при исследовании этого явления». Концептуальные дискуссии иногда сводились к поиску «наилучшего» определения для того или иного явления, особенно для зависимой переменной «региональная интеграция».

По мнению Капорасо, отсутствие согласия по поводу определений свидетельствует о том, что исследования региональной интеграции все еще находятся на «предпарадигмальной стадии» развития науки. Хаас в ответ на критику назвал исследования региональной интеграции «предтеоретическими» на том основании, что они опираются на телеологические предположения о прогрессе и что в них нет четкого представления о зависимых и независимых переменных. Спустя несколько лет Хаас назвал эту область «устаревшей» и в итоге предположил, что изучение региональной интеграции должно перестать быть самостоятельным предметом. В результате изучение региональной интеграции было заброшено в пользу более широких и нетерриториальных логик и моделей интеграции и взаимозависимости. Многих противоречий можно было бы избежать, если бы ученые понимали, что они, перефразируя Пучалу, имеют дело не с одной и той же «частью» слона или даже не со слоном вовсе. Некоторые ученые сосредоточились на региональных подсистемах, регионах или региональном сотрудничестве, а не на международной и региональной интеграции. Например, Биндер (1958) использовал термин «подчиненная международная система», чтобы отразить положение Ближнего Востока в глобальной системе.

Вдохновленные системным подходом, ряд других ученых в 1960–1970-х гг. попытались разработать более комплексную схему сравнительного анализа, в которой основное внимание уделялось регионам и региональным подсистемам. Кантори и Шпигель выделили следующие характеристики региона: географическая близость, общие связи (исторические, социальные, культурные, этнические и языковые), чувство идентичности и международные взаимодействия. Однако неофункционалисты, такие как Хаас, критиковали подход к региональным системам как чисто описательный и подчеркивали, что проблемы ученых, занимающихся «региональной интеграцией», отличаются от проблем ученых, занимающихся региональными системами. Ранние дебаты всегда были сосредоточены на Европе (возможно, в меньшей степени это относится к подходу, основанному на региональных подсистемах). Неофункционалисты, такие как Хаас и Най, осознавали неоднозначный и сложный характер ЕС и проблему сопоставимости опыта региональной интеграции в других регионах, но они никогда не отказывались от сравнения (что впоследствии делали многие исследователи европейской интеграции). И все же,

даже осознавая европейское происхождение своих теорий, они искали прежде всего те «фоновые условия», «функциональные эквиваленты» и «побочные» эффекты, которые были получены в результате изучения Европы. Слишком часто (но не всегда) в качестве образца рассматривалось и пропагандировалось Европейское сообщество. Как заявил Хаас в начале 1960-х гг: «Интеграция между отдельными политическими единицами является историческим фактом в Европе, но дезинтеграция, похоже, является доминирующим мотивом в других странах. Нельзя ли подражать примеру успешной интеграции в Европе?». Хаас объяснил, что отсутствие региональной интеграции в других странах на самом деле укрепляет неофункционалистский подход, поскольку позволяет не только объяснить, но и предсказать причины неинтеграции. Одной из важных причин отсутствия интеграционной динамики, по мнению Хааса, было то, что «страны, в которых доминирует неплюралистическая социальная структура, являются плохими кандидатами для участия в интеграционном процессе. Даже если их правительства участвуют в этом процессе на официальном уровне, последствия их участия вряд ли будут ощутимы в других частях социальной структуры». По аналогичным причинам Най разработал несколько измененную неофункционалистскую модель, которая, в частности, могла учитывать более высокую степень политизации в менее развитых обществах, таких как африканские. Однако в рамках неофункционалистского подхода было трудно найти сопоставимые примеры или что-либо, соответствующее конкретному определению «региональной интеграции». Это дало повод многим ученым критиковать неофункционалистов за узкую направленность на региональную интеграцию, а также за использование «европейского опыта в качестве основы для выработки обобщений о перспективах региональной интеграции в других странах».

Старый регионализм в развивающемся мире: развитие и государственное строительство

В развивающемся мире, особенно в Латинской Америке и Африке, а также в Азии и некоторых других развивающихся регионах, также велись дискуссии в духе идей старого регионализма. Хотя на них, безусловно, повлияли дебаты и «реальный» регионализм в Европе, в развивающихся странах ключевыми лозунгами были региональное сотрудничество, экономическое развитие и государственное строительство (а не региональная интеграция и предотвращение войны). Многие дискуссии о регионализме в развивающихся странах, особенно в Латинской Америке, проходили под сильным влиянием структуралистской традиции экономического развития, основоположниками которой были Гуннар Мюрдаль, Артур Льюис и Рауль Пребиш. Структуралистская дискуссия об отсталости, развернувшаяся на примере Латинской Америки, отражала специфику экономического опыта различных стран, в частности, проблемы условий торговли. Депрессия 1930-х годов также оказала серьезное влияние на развитие Латинской Америки, что вызвало

необходимость перемен. По инициативе Экономической комиссии ООН для Латинской Америки (ЭКЛА) и ее энергичного исполнительного секретаря Рауля Пребиша была разработана концепция создания расширенного экономического пространства в Латинской Америке с целью усиления импортозамещения на региональном уровне, когда оно исчерпывается на национальном уровне. Либерализация внутрирегиональной торговли в сочетании с региональным протекционизмом, как представляется, давала большую экономию от масштаба и более широкие рынки, что могло послужить стимулом для индустриализации, экономического роста и инвестиций. С этой точки зрения смысл регионального сотрудничества и интеграции между менее развитыми странами заключался не в функциональном сотрудничестве или незначительных экономических изменениях в рамках существующей структуры, как это предусматривалось неоклассической экономикой и теорией таможенных союзов, а в стимулировании «структурных преобразований» и создании производственного потенциала (т.е. индустриализации).

Таким образом, эта школа сместила акцент с неоклассической теории торговли и европейской озабоченности экономической интеграцией как средством предотвращения войны на подход, при котором региональное экономическое сотрудничество/интеграция рассматривались как средство экономического развития и формирования государства. В отличие от функционалистской логики, это требовало сознательного политического подхода к регионализму. Действительно, слабые региональные политические усилия привели бы только к региональной дезинтеграции. Что касается теории, то позднее Акслайн уточнил, что зависимая переменная, а также условия, лежащие в основе регионализма, настолько различны, что требуют другой теории, согласно которой Европа и развивающийся мир не являются сопоставимыми случаями. Структуралистские представления о регионализме привели к созданию в 1960 году в Монтевидео Латиноамериканской ассоциации свободной торговли (ЛАФТА). ЛАФТА представляла собой комплексный и континентальный торговый проект, в который вошли все страны южноамериканского континента плюс Мексика. Однако, несмотря на некоторые первые успехи и оживленную теоретическую дискуссию, старые регионалистские проекты в Латинской Америке так и не были реализованы в более широком масштабе и не принесли значительного экономического эффекта. Ограниченный опыт был обусловлен внутренними конфликтами, общей неспособностью государств к сотрудничеству и всей структурой зависимости. Страны-участницы различных частично пересекающихся региональных схем были политически и/или экономически нестабильны и не хотели или не могли осуществлять жизнеспособное региональное сотрудничество. Кроме того, малые страны-участницы утверждали, что ЛАФТА выгодна в основном «большой тройке» – Мексике, Аргентине и Бразилии, и выбрали более радикальную и амбициозную стратегию с упором на совместно планируемую стратегию индустриализации. На этой основе в 1969 г. был создан Андский пакт, но широко

заявленные амбиции так и не были реализованы. В 1970-е годы на всем континенте установились военные диктатуры, которые оказались плохими партнерами в схемах регионального сотрудничества. Возвращение к демократии в середине 1980-х годов впоследствии дало большой толчок новому регионализму в Латинской Америке с конца 1980-х годов.

Дискуссии о регионализме в Африке следует рассматривать в постколониальном контексте континента, даже если на африканские сюжеты оказали слабое влияние как интеллектуальные дебаты в Латинской Америке, так и теория и практика европейской интеграции. Общая идеологическая основа регионального сотрудничества и интеграции в Африке была сформулирована, прежде всего, в концепциях и ряде договоров, разработанных в рамках Организации африканского единства (ОАЕ), ныне – Африканского союза (АС). В прошлом панафриканские концепции делали упор на коллективную самодостаточность и интровертные и меркантилистские стратегии, основанные на протекционизме, плановой и импортозамещающей индустриализации, аналогично регионализму в Латинской Америке, который Миттельман называет «автоцентрическим регионализмом» (автократии по территориальному признаку). После обретения независимости в Африке было создано большое количество различных типов региональных структур и организаций, возглавляемых государствами. Некоторые проекты имели колониальное происхождение, в то время как другие региональные организации были специально созданы для борьбы с зависимостью, колониализмом и апартеидом. Несмотря на то, что актуальность и эффективность ОАЕ широко обсуждается, нельзя отрицать, что эта организация была важна для координации общей африканской позиции против колониализма и апартеида. Координационная конференция по развитию Юга Африки (SADCC) (предшественница нынешнего SADC) была создана в 1980 г. для борьбы с апартеидом и внешней зависимостью. На подход SADCC слабо повлияла латиноамериканская традиция, и на бумаге она выступала за стратегию дирижистской импортозамещающей индустриализации в сочетании со справедливым распределением издержек и выгод. Однако на практике SADCC сводился к схеме координации и реализации проектов, финансируемых в основном европейскими донорами, в частности странами Северной Европы. Одна из фундаментальных проблем радикально-структуралистского подхода заключалась в том, что он стал политически неактуальным в связи с ростом значения структурной перестройки и неолиберализма на протяжении 1980-х годов.

Что касается Азии, то значение регионализма менялось в связи с вопросом о том, какие субрегионы включать и исключать, какие измерения регионализма исследовать (например, безопасность, экономику, политику и культуру) и какие конкретные теоретические перспективы использовать. Значительный пласт литературы посвящен изучению Ассоциации государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН), созданной в 1967 году. Основная причина такого внимания, по-видимому, заключается в том, что АСЕАН оказалась одной из немногих

устойчивых региональных организаций в большом регионе Восточной/Юго-Восточной Азии. АСЕАН понималась как совместная попытка консолидации национальных государств и укрепления стабильности довольно узкой, но сильной политической элиты в недавно возникших и шатких государственных образованиях. Таким образом, как и в большинстве других региональных дискуссий в тогдашнем развивающемся мире, основными целями были государственное строительство и формирование наций. Даже если безопасность не была прямо упомянута в договорах, коммунизм был главной угрозой, независимо от того, была ли она внутренней или внешней. В 1960-х, 1970-х и 1980-х годах было много «политически направленных» политических деклараций и попыток создать совместные промышленные предприятия и добиться преференциальных торговых схем. Однако эффект от этих попыток для развития, как правило, был невелик, и экономическое развитие Юго-Восточной Азии в этот период вряд ли можно объяснить политикой АСЕАН как региональной организации. Впоследствии АСЕАН укрепилась и в некоторой степени даже расцвела как региональная организация, и этот факт был проанализирован в рамках нового регионализма.

Новый регионализм

Исследователи нового регионализма ссылались на ряд новых тенденций и событий, таких как рост более многомерного и плюралистического типа регионализма, который не был в основном сосредоточен вокруг протекционистских торговых схем или сотрудничества в области безопасности. Новые типы регионализма также отличаются более разнообразным институциональным дизайном и более активной ролью бизнеса и представителей гражданского общества. В отличие от того времени, когда писали Хаас, Най, Дойч и первые исследователи региональной интеграции, стало очевидно, что существует множество регионализмов и множество региональных контекстов, а значит, и совершенно иная база для сравнительного регионализма. Большинство ученых, пытавшихся понять новую волну регионализма, возникшую в середине 1980-х и набравшую обороты в начале 1990-х годов, понимали, что это явление необходимо связать с множеством часто взаимосвязанных структурных изменений глобальной системы. Это и конец биполярности, и усиление (экономической) глобализации, и периодически возникающие опасения по поводу стабильности многостороннего торгового порядка, и перестройка национального государства, и критика неолиберального экономического развития и политической системы как в развивающихся, так и в посткоммунистических странах. Растущая многоаспектность регионализма в «реальном мире» привела к расширению исследовательской повестки дня и появлению множества теорий и точек зрения. Сюда входят различные неореалистические и неолиберальные институциональные теории, новые торговые теории и новые институционалистские теории, подходы к многоуровневому управлению, разнообразные конструктивистские и дискурсивные подходы, теория комплекса безопасности, а также различные

критические и новые подходы к регионализму. Богатство теоретических разработок, как в Европе, так и в остальном мире, можно рассматривать как интеллектуальный прогресс.

Вместе с тем для этой области исследований была характерна значительная степень смешения и соперничества между различными теоретическими позициями, региональными и тематическими специализациями. Фрагментарность усиливалась тем, что многие ученые не разделяли единого понимания того, что такое «хорошая» теория (или что такое теория вообще). Одни теории были строго каузальными и «объективными», в которых «факты» и «теории» должны быть разделены, в то время как другие основывались на радикально иных метатеоретических основаниях. Это разделение было тесно связано с различием между «рационалистическим» и «рефлексивным» подходами к международной теории, а «золотую середину» занимали (различные виды) социального конструктивизма. Очевидно, что в изучении регионализма в этот период доминировали разнообразные рационалистические теории (различные виды реалистического, либерального и либерально-институционалистского, а также либерального межправительственного подходов). Фактически это один из способов определить, что является «мейнстримом» в изучении регионализма, и с этой точки зрения менее понятно, в чем разница между старым и новым регионализмом. Более того, даже если рационалисты могут расходиться во мнениях относительно власти и независимых эффектов институтов, в 1990-е годы различные рационалистические подходы сблизилась по сравнению с тем, что было в старом регионализме. Рационалисты не только в целом согласны с общей эпистемологией и набором основных онтологических предпосылок, но и разделяют схожую исследовательскую программу, которая сосредоточена на происхождении, форме и последствиях различных региональных организаций и механизмов. В центре исследовательской программы стоят такие вопросы, как: почему государства принимают решение о вступлении в региональные соглашения? Почему в одних областях политики интеграция идет быстрее, чем в других? Какие институциональные формы наиболее эффективны? Когда и почему они углубляются, и какое влияние оказывают на торговлю, финансы, развитие, безопасность и т.д.?

Другая главная особенность, появившаяся в этой области с 1990-х годов, – возникновение множества конструктивистских и рефлексивных подходов к регионализму, которые поставили под сомнение основные рационалистические постулаты, такие как разделение субъекта и объекта, факта и ценности, государствоцентричная онтология большинства рационалистических подходов, а также роль норм и идентичностей в формировании неформальных и формальных регионов. В этом контексте необходимо признать разнообразие как конструктивистских, так и рефлексивных подходов. Одни конструктивисты в первую очередь ведут дискуссию с рационалистами и мейнстримными дискурсами (такими как либерализм и реализм), другие – с более радикальными

и критическими подходами. Что касается первых, то провести границу между конструктивизмом и рефлексивизмом может быть несколько затруднительно. Рефлексивистские подходы были более глубокими и касались структурных преобразований, а также того, для кого и с какой целью регионализм применяется на практике. Многие критически настроенные ученые в 1990-е годы исследовали вопрос о том, представляет ли новый регионализм «возвращение политического» в контексте экономической глобализации. Некоторые из них были настроены скептически и утверждали, что регионализм в первую очередь является проявлением экономической глобализации и преобладающих форм гегемонии, тогда как многие другие были более оптимистичны в отношении положительных эффектов регионализма.

Одним из основных спорных моментов в период нового регионализма был вопрос об относительной значимости регионализма как проекта, осуществляемого под руководством государств, по сравнению с регионализацией в смысле «роста интеграции общества в рамках региона и зачастую ненаправленных процессов социального и экономического взаимодействия». В то время как большинство исследователей однозначно подчеркивают важность государственного и формального регионализма, в подходах к новому регионализму/регионализмам также подчеркивается значение негосударственных акторов. Как отмечают Бёс, Марчанд и Шоу, «регионализм – это, безусловно, политический проект, но он не обязательно возглавляется государством, поскольку государства не являются единственными политическими акторами [...] мы однозначно считаем, что в рамках каждого регионального проекта (официального или нет) сосуществуют несколько конкурирующих регионализирующих акторов с различными региональными представлениями и идеями». В то время как большинство (но не все) рационалистических исследований посвящено заранее заданным региональным границам и региональным организациям, рефлексивисты и конструктивисты больше озабочены тем, как регионы формируются и конструируются.

Один из наиболее влиятельных подходов, подход нового регионализма, утверждает, что не существует «естественных» регионов, а они создаются, переделываются и не создаются – намеренно или ненамеренно – в процессе глобальной трансформации, в результате коллективных действий людей и формирования идентичности. Поскольку регионы являются социальными конструктами, не существует «заданных» регионов, как не существует и заданных регионалистских интересов, а интересы и идентичности формируются в процессе взаимодействия и межсубъектного понимания. Подобное теоретизирование позволяет получить иные, по сравнению с мейнстримом и рационализмом, ответы и методологии исследования того, почему и как формируются и консолидируются регионы, кем и с какой целью. Подход Ивера Б. Нойманна (1994) к формированию регионов достаточно близок к новому регионализму. Он также отвергает фиксированные и заранее заданные определения регионов, а также территориальную ловушку национального

государства. В его основе лежит представление о том, что регионам предшествуют регионостроители, т.е. политические акторы, которые в рамках какого-либо политического проекта считают, что в их интересах представить и построить регион. Все теории делают предположения о том, что такое регион, но, по мнению Нойманна, мейнстримный и рационалистический подходы склонны игнорировать «политику определения и переопределения региона». Дело в том, что «это по своей сути политический акт, и поэтому он должен быть рефлексивно признан и осуществлен как таковой». В этом смысле подход стремится раскрыть суть того, где, кем и для кого формулируются и становятся актуальными заявления и стратегии регионального строительства, иными словами: чей регион строится.

И последнее различие в данном контексте – структурные и макроориентированные подходы по сравнению с агентскими и микроориентированными. В определенной степени это различие устраняет или, по крайней мере, преодолевает разрыв между рационалистами и рефлексивистами. Одни ученые уделяют особое внимание историческим структурам и построению мировых порядков, в то время как другие аналитики больше интересуются особенностями агентств и проживаемых социальных пространств. Не стоит догматически подходить к вопросу о соотношении структурности и агентности (макро- и микро-; «снаружи-внутри» и «изнутри-наружу»), поскольку в значительной степени это тесно связано с различиями в метатеоретической позиции, а также с характером исследовательского вопроса. Например, структурный анализ может быть более правдоподобным, когда в фокусе исследования находится роль регионов в трансформации мирового порядка, в то время как более сильный акцент на агентности необходим для лучшего понимания/объяснения специфики и деталей агентов и микропроцессов на местах. Здесь важно признать, что для освещения различных аспектов региональной политики могут быть выбраны разные предположения, а различные точки зрения и сопутствующие им нарративы часто оказываются скорее взаимодополняющими, чем взаимоисключающими.

На пути к сравнительному регионализму

В завершающих тезисах предпринята попытка внести вклад в консолидацию разрозненной области, находящейся в поиске своей собственной интеллектуальной истории. Одним из главных преимуществ длительной временной перспективы является не только раскрытие интеллектуального богатства, но и возможность проследить, каким образом более ранние идеи о регионах и региональном строительстве (иногда) повлияли на более современные идеи и проекты. Тот факт, что многие важные идеи и теории регионализма были разработаны другими людьми ранее, слишком долго игнорировался многими. Раздел, посвященный раннему регионализму, был включен для того, чтобы привлечь внимание к глубоким корням и разнообразным траекториям развития регионализма. Ранний регионализм

подчеркивает, в частности, взаимодействие, а не конкуренцию между регионалистскими и статистскими идеями, что, по крайней мере, в некоторых аспектах напоминает недавние дебаты о многоуровневом глобальном управлении. Ранний регионализм также обращает внимание на различные панрегионалистские движения, которые развивались в период раннего регионализма и обычно представляли собой смесь геополитических, культурных и функциональных убеждений, которые по-разному проявлялись на разных континентах и в разных регионах мира. Некоторые из этих панрегионалистских идей продолжают оказывать влияние на современные регионалистские проекты, особенно в Африке, Латинской Америке и на Ближнем Востоке.

Помимо раннего регионализма, в данной лекции выделены три последующих этапа в научном развитии данной области: старый регионализм, новый регионализм и современный этап развития регионализма, называемый здесь сравнительным регионализмом. В заключительном разделе определяется значение сравнительного регионализма путем его противопоставления старому и новому регионализму. Как утверждает Хеттне, после двух-трех десятилетий «нового» регионализма настало время выйти «за рамки нового регионализма». То, что с природой и изучением регионализма что-то произошло примерно на рубеже тысячелетий или вскоре после него, видно из множества новых концепций и обозначений, таких как «постгегемонистский регионализм», «постнеолиберальный регионализм», «гетеродоксальный регионализм», «пористые региональные порядки», «региональные миры», «конвергирующие регионы» и «сетевые регионы». Эти и подобные им понятия и обозначения свидетельствуют о растущем разнообразии и сложности регионализма. Даже если в новом регионализме подчеркивалась многомерность, существует множество новых идей об изменении природы регионализма, которые выводят нас «за рамки» нового регионализма.

Одной из актуальных стратегий в попытке понять характер современного регионализма является понимание меняющегося контекста регионализма. В отличие от контекста нового регионализма, в котором доминировали недавнее падение Берлинской стены, неолиберализм и экономическая глобализация, современный регионализм формируется под влиянием глобального порядка, характеризующегося множеством разнообразных и одновременно противоречивых тенденций и процессов. К ним относятся война с терроризмом, ответственность за вмешательство и защиту, меняющееся понимание правительства и управления, многослойный или «мультиплексный» глобальный порядок, подъем БРИКС и развивающихся держав, повторяющиеся финансовые кризисы, а также постоянное наложение и пересечение региональных и межрегиональных проектов и процессов в большинстве регионов мира. Еще одно наблюдение заключается в том, что в 1980–1990-е годы как распространенность, так и актуальность регионализма можно было поставить под сомнение. Напротив, начиная примерно с рубежа

тысячелетий, трудно оспаривать тот факт, что регионализм является структурным компонентом современной глобальной политики.

Некоторые из наиболее влиятельных наблюдателей даже утверждают, что современный мировой порядок – это региональный мировой порядок. Например, Питер Катценштейн отвергает «якобы упрямое упорство национального государства или неизбежное шествие глобализации», утверждая, что мы приближаемся к «миру регионов». Аналогичным образом Ачарья подчеркивает «формирующуюся региональную архитектуру мировой политики» и построение «региональных миров». Барри Бузан и Оле Веве́р говорят о «глобальном порядке сильных регионов». Принципиальный момент заключается не в том, что регионализм обязательно доминирует в глобальной политике во всех отношениях, а в том, что «регионы теперь повсюду на земном шаре и играют все более важную роль в функционировании всех аспектов мировой политики – от торговли до управления конфликтами, и можно даже сказать, что теперь они составляют мировой порядок». Одним из важных вопросов, обсуждавшихся на протяжении всей истории регионализма, является соотношение национальных, региональных и глобальных способов управления. Если многие теоретики старого регионализма утверждали (и надеялись), что региональная интеграция перенесет лояльность и принятие решений на региональные институты, «за пределы национального государства», то другие теоретики рассматривали регионализм как средство укрепления национального государства и содействия государственному строительству.

На следующем этапе теоретизирования новые исследователи регионализма уделяли большое внимание взаимосвязи регионализма и глобализации. Несмотря на то, что эта проблема не исчезла, за последнее десятилетие связь между глобальным и региональным изменила свое значение. В современных дискуссиях подчеркивается сложность регионализма и многообразие взаимодействий между государственными и негосударственными акторами, институтами и процессами на различных уровнях взаимодействия – от двустороннего до регионального, межрегионального и глобального. Признавая растущую многомерность и многоуровневость регионализма, современные ученые смогли выйти за рамки бинарных концепций, которые доминировали в дискуссиях во времена нового регионализма, таких как формальный и неформальный регионализм, регионализм и регионализация, а также то, кто движет регионализмом – государственные или негосударственные акторы. Ученые могут продолжать расходиться во мнениях относительно относительной важности государственных и негосударственных акторов в конкретных случаях, но уже не имеет смысла ставить под сомнение множественность государственных и негосударственных агентств в рамках различных режимов регионального управления, региональных сетей и институциональных форм. В этом контексте следует также признать, что регионализм расширяется и становится более важным во многих других областях политики по сравнению с тем, что было в период нового регионализма, таких как валютно-финансовое

управление, здравоохранение, гендерная и социальная политика, миграция, демократия и права человека.

Теоретико-методологический диалог – еще одна отличительная черта последнего этапа изучения регионализма. Если дебаты о новом регионализме характеризовались фрагментарностью и рядом парадигмальных и методологических соперничеств, то сейчас происходит консолидация регионализма как области исследования. В период нового регионализма зачастую отсутствовал диалог между академическими дисциплинами и региональными специализациями (европейская интеграция, латиноамериканский, азиатский, африканский регионализм), а также между теоретическими традициями (рационализм, конструктивизм, различные рефлексивные подходы). Имела место и тематическая фрагментация в том смысле, что различные формы регионализма, такие как экономический регионализм, регионализм безопасности и экологический регионализм, лишь изредка соотносились друг с другом. Такая фрагментация после Второй мировой войны подрывала теоретические и методологические инновации. Сегодняшний контекст дискуссии о регионализме характеризуется «мультиплексностью», меняющимся интеллектуальным ландшафтом.

По словам Ачарьи, сравнительный регионализм – это действительно «область, время которой пришло». В период становления нового регионализма значительная часть исследований основывалась на изучении конкретных случаев. Даже если внимание, безусловно, уделялось сравнению, многие из них представляли собой либо параллельные кейс-стади, либо довольно жесткие количественные исследования, в которых, как правило, не учитывались история и региональный контекст. В настоящее время мы наблюдаем все более творческий подход к сравнению регионов во времени и пространстве. Растущее взаимообогащение и взаимодействие между студентами, изучающими европейскую интеграцию и регионализм в других странах, особенно важно, не в последнюю очередь потому, что это обещает привести к снижению европоцентризма в данной области. Ачарья утверждает, что необходимо признать «глобальное наследие» регионализма: «идеи и литература, составляющие сравнительный регионализм, пришли из многих регионов, включая Латинскую Америку, Азию, Северную Америку, Ближний Восток, Африку и, конечно, Европу, и обогатились за счет их вклада». Следует также признать, что за последние десятилетия наше понимание регионов и регионализма изменилось, что является хорошей новостью как для сравнительного регионализма, так и для попыток отойти от узкого и традиционного понимания европейской интеграции. «Хотя современный интерес к сравнению регионов и регионализмов, возможно, не является абсолютно новым, он отличается от прежних подходов.

Наше понимание того, что создает регионы, изменилось благодаря социально-конструктивистским и критическим теоретическим подходам, которые привели к менее поведенческому и более нюансированному, сложному,

спорному и изменчивому пониманию регионов», утверждает Ачарья. Тем не менее, в изучении регионализма не все однозначно, и по-прежнему необходимо углублять сравнительный элемент регионализма, не попадая при этом в ловушку парохизма или неуместного универсализма (обычно европоцентризма). Предпочтительный вариант сравнительного регионализма – эклектичный и инклюзивный. Такая эклектическая перспектива должна позволить регионоведению, сравнительной политике и международным исследованиям вступить в более плодотворный диалог и таким образом преодолеть сохраняющуюся фрагментацию в области регионализма. Это также позволит продолжить взаимообогащение между различными региональными дискуссиями и специализациями (африканские, американские, азиатские, карибские и европейские формы регионализма). Такой эклектический подход также будет способствовать диалогу об основах сравнительного анализа, например, о том, что представляют собой сопоставимые случаи, а также о различных формах, методах и дизайне сравнительного анализа. Регионы можно и нужно сравнивать во времени, а также внутри и между различными пространствами и формами организации. Таким образом, можно сравнивать комплексные и многомерные регионы в различных масштабах (макро-, мезо-, микро), а также более четкие типы регионов и регионализма, такие как торговые блоки, регионы безопасности, когнитивные регионы, речные бассейны и т.д. На примере ЕС можно сказать, что как объект исследования ЕС может изучаться по-разному, и его сопоставимость зависит от концептуализации и задаваемых вопросов. Как и все другие аспекты социальной сферы, ЕС обладает одновременно и специфическими чертами, и общими характеристиками, которые он разделяет с другими регионами, региональными политическими сообществами и региональными организациями. Эклектичная перспектива, предлагаемая здесь, не отвергает сравнения ЕС с другими федерациями/национальными государствами, а также ЕС со старыми империями (даже если это сравнение может быть несколько более сложным). Иными словами, концептуальный плюрализм не равнозначен анархии или попыткам создать ложную конкуренцию между регионализмом в Европе и остальном мире. Главное – четко сформулировать вопросы исследования и выбрать пример, сохранив при этом концептуальную ясность.

2. ПРАКТИЧЕСКИЙ РАЗДЕЛ

2.1. Методические рекомендации

Практические занятия проводятся одновременно и параллельно с чтением лекционного курса, органически связаны с ним и посвящены изучению наиболее крупных, узловых проблем. Это одна из самых активных форм самостоятельной работы студентов над историческими источниками и научной литературой. Практические занятия не только способствуют углублению и закреплению знаний студентов, но и прививают студентам умение критически анализировать исторические источники, воспитывают навыки научного исследования, учат свободно владеть письменной и устной речью, вести научную дискуссию по изучаемому материалу, помогают формировать многие важные профессиональные навыки будущего специалиста. Кроме того, именно эта форма обучения предоставляет преподавателю широкие возможности для индивидуальной работы с каждым студентом.

Вопросы и методические рекомендации к практическим занятиям разработаны в соответствии с программой курса «Основы регионоведения» Кафедры истории Беларуси нового и новейшего времени Исторического факультета БГУ. Приводимые планы семинарских занятий – лишь ориентир в осуществлении учебного процесса. Преподаватель может, исходя из конкретных целей и задач, изменять структуру занятия, формулировки и последовательность вопросов, определять проблемы, требующие углубленного изучения и предлагать свои варианты тем.

Формы проведения семинаров могут быть самыми различными, в зависимости от изучаемой проблемы, характера имеющихся источников, степени подготовленности студентов. На практических занятиях практикуется коллективный разбор и комментирование источников, обсуждение отдельных вопросов темы, заранее предложенных преподавателем, заслушивание коротких сообщений и рефератов, подготовленных студентами, коллективное обсуждение наиболее актуальных и спорных проблем, реферирование крупных исторических исследований, составление и проверка конспектов и другие самые разные формы работы. Наиболее сложной и в то же время очень эффективной формой проведения семинаров является подготовка и обсуждение студенческих докладов.

План семинарских занятий, их тематика, основная цель семинара и задачи студентов подробно разъясняются преподавателем уже на первом, вводном занятии. Тогда же преподаватель обращает внимание студентов на основополагающие исследования по каждой теме и комментирует списки рекомендованной литературы.

Подготовку к практическому занятию студенту следует начинать с усвоения соответствующих разделов учебника и других учебных пособий, повторения своего конспекта лекций. Это даст студенту общее представление о месте и

значении данной проблемы в изучаемом курсе, а также вооружит его необходимым минимумом фактического материала по теме. За этим следует изучение рекомендованных разделов монографий и статей. При оценке исторических событий и фактов студент должен учитывать время, место и условия, в которых они происходили, рассматривать их не изолированно, а в связи с другими фактами, в процессе их развития.

В процессе работы над источниками и литературой по изучаемой проблеме студенту рекомендуется делать различного рода выписки и заметки, составлять комбинированную рабочую запись или конспект прочитанного в специальной тетради или на отдельных листках-карточках, которые затем систематизируются и группируются. Полезно при этом составлять хронологические, синхронистические и статистические таблицы, схемы, метрологические заметки, выписывать исторические термины и понятия, библиографические сведения и т.п.

2.2. Тематика практических занятий

Семинар № 1.

Тема 2. Теоретические подходы к изучению региональных процессов на макроисследовательском уровне

План:

1. Подходы географической науки. Социально-экономическая или общественная география.
2. Историко-социологические и экономические подходы.
3. Геополитические и геоэкономические подходы.
4. Регионоведение и традиционное страноведение.
5. Комплексные региональные исследования.

Семинар № 2.

Тема 3. Теоретические подходы к изучению региональных процессов на микроисследовательском уровне

План:

1. Этнокультурные подходы.
2. Подходы гуманитарной и социальной географии.
3. Междисциплинарные подходы в регионоведении.

Семинар № 3.

Тема 5. Структура регионоведческого исследования

План:

1. Конструирование знания о регионе. Процедуры наблюдения и описания.
2. Сбор и изучение эмпирических данных о регионе.
3. Статистические данные в регионоведческом исследовании.
4. Теоретический уровень исследования.
5. Продукт регионоведческого анализа.

Семинар № 4.

Тема 6. Идентичность как фактор региональных процессов

План:

1. Символические практики формирования пространственного сознания.

2. Конструктивистская традиция описания макросоциальных процессов в географическом контексте.

3. Локальная идентичность. Региональная идентичность. Приграничная идентичность.

4. Туристическое конструирование региональной идентичности.

Семинары № 5-6.

Тема 7. Политико-территориальное измерение региональных процессов

План:

1. Представления о пространстве и понятие региона. Структурные параметры региона.

2. Мировой опыт территориально-государственного строительства.

3. Административно-территориальное деление и его формат.

4. Топонимика административно-территориальных единиц.

5. Номенклатура административно-территориальных единиц.

6. Границы территорий и регионов. Лимнология как научная дисциплина.

7. Модели территориального устройства регионов в рамках государственных образований.

8. Социально-политические, экономические и культурные вариации регионального конструирования.

Семинар № 7.

Тема 8. Модели регионального взаимодействия и сотрудничества

План:

1. Мировой регионализм. Типы регионализаций. Иерархии регионов.

2. Формы и модели экономической интеграции мировых регионов.

3. Региональное сотрудничество на парадипломатическом уровне. Ассоциации регионов.

Семинар № 8.

Тема 9. Регионы мира в перспективе глобализационных процессов

План:

1. Мондиализм. Метафоры полярности в мировой геополитике.

2. Глобальные экономические и политические проекты в истории.

3. Проблемы Севера и Юга в геополитических концепциях. Проблема Запада и Востока в геополитических концепциях.

4. Теории глобального мира и региональной безопасности.
5. Критика глобализма.

Семинар № 9.

Тема 10. Историко-культурное измерение региональных процессов

План:

1. Региональное культурное наследие. Подходы и практики его изучения и репрезентации.
2. Культурный обмен и трансфер. Колониализм и колонизация. Внутренняя колонизация. Деколонизация. Переселенческий колониализм.
3. Неоколониализм. Постколониализм. Постколониальная теория.
4. Практики культурной памяти в изучении регионов.

Семинар № 10.

Тема 11. Язык и дискурсы репрезентации региона

План:

1. Языковая карта мира. Мировые и региональные языки.
2. Языковой регионализм и языковая политика.
3. Международные вспомогательные языки в истории и современности.

3. РАЗДЕЛ КОНТРОЛЯ ЗНАНИЙ

3.1. Тематика рефератов

Реферат является самостоятельно выполненной работой, имеющей внутреннее единство и свидетельствующей о личном вкладе автора. Он должен иметь четкий план, логически построенную структуру, включающие обязательные блоки: введение, главы, заключение, библиографический список.

В разделе *«Введение»* дается обоснование круга вопросов, нуждающихся в дальнейшем изучении по научной проблематике, связанной с темой, обосновывается ее актуальность, показывается необходимость проведения исследований по данной теме для решения конкретной проблемы (задачи).

Основная часть материала излагается в главах, в которых приводятся: аналитический обзор литературы и источников по теме, развернутое обоснование выбора направления исследований и изложение общей концепции работы; анализ конкретных вопросов по избранной теме.

В конце каждой главы рекомендуется коротко сформулировать основные выводы, которые дают ответы на вопросы, поставленные во введении.

Раздел *«Заключение»*, как правило, должен содержать краткое изложение сущности результатов и выводов по проделанной работе, перспективы дальнейшего развития данного проблемного направления.

По тексту работы обязательно должны быть расставлены ссылки на использованные источники и литературу. Примерный объем доклада должен составлять до 20 страниц.

В качестве **главных задач**, поставленных перед студентом при написании рефератов, выделяются следующие:

- закрепление и углубление теоретических и практических знаний и применение их для решения конкретных задач;
- знакомство с методологией и методами проведения исторических исследований;
- приобретение навыков работы с различными типами письменных источников, освоение принципов их научного анализа и обобщения, внешней и внутренней критики, методов извлечения, осмысления, использования возможно полной и объективной информации, содержащейся в них;
- формирование навыков самостоятельного решения актуальных научных и практических задач;
- формирование творческих, инновационных подходов к организации и проведению научных исследований и направленности на практическое освоение результатов научной деятельности;
- выяснение подготовленности студента для самостоятельной работы (в том числе научной) в условиях современного производства, прогресса науки,

техники и культуры, и его соответствия современному уровню ведения научного исследования.

В результате написания реферативной работы **студент должен уметь:**

1. Самостоятельно работать с источниками и литературой.
2. Формулировать цель, задачи работы, выводы, обосновывать актуальность выбранной темы, структуру работы.
3. Делать научно обоснованные выводы на основании изученного материала.
4. Владеть методами ведения исследования.
5. Четко и последовательно излагать свои мысли в письменном виде, пользоваться научной терминологией.
6. Оформлять работу в соответствии с требованиями, предъявляемыми к научно-исследовательским работам.

Рефераты должны выполняться строго в соответствии с требованиями, изложенными в «Положении об организации подготовки и защиты курсовой работы, итоговой аттестации при освоении содержания образовательных программ высшего образования I ступени в Белорусском государственном университете» (2014 г.).

Критерии оценки реферата:

- Актуальность содержания.
- Глубина и полнота анализа проблемы.
- Информационная насыщенность, новизна и оригинальность изложения.
- Простота и доходчивость изложения.
- Структурная организованность, логичность изложения.
- Грамматическая и орфографическая правильность.
- Убедительность, аргументированность, практическая значимость выводов.
- Опора при написании на источники.

Тематика рефератов:

1. Предмет и объект науки. Теоретическое и прикладное регионоведение.
2. Становление регионоведения как науки и его связь с родственными дисциплинами территориальные исследования (area studies), региональные исследования (regional studies), региональная наука (regional science).
3. Понятие региона и района. Понятие регионализма в политике и идеологии.
4. Исследовательские области регионоведческой науки.
5. Регионоведение в спектре гуманитарных и социальных наук
Регионоведение в перспективе модернизационной теории
6. Подходы географической науки к регионоведению. Социально-экономическая или общественная география.

7. Историко-социологические и экономические подходы к изучению региональных процессов.
8. Геополитические и геоэкономические подходы к изучению региональных процессов.
9. Регионоведение и традиционное страноведение.
10. Комплексные региональные исследования.
11. Этнокультурные подходы к изучению региональных процессов.
12. Подходы гуманитарной и социальной географии к изучению региональных процессов.
13. Междисциплинарные подходы в регионоведении.
14. Методика хронологического исследования.
15. Квантитативные методы в регионоведении.
16. Качитативные методы в регионоведении.
17. Конструирование знания о регионе. Процедуры наблюдения и описания.
18. Сбор и изучение эмпирических данных о регионе.
19. Статистические данные в регионоведческом исследовании.
20. Теоретический уровень исследования.
21. Продукт регионоведческого анализа.
22. Символические практики формирования пространственного сознания.
23. Конструктивистская традиция описания макросоциальных процессов в географическом контексте.
24. Локальная идентичность. Региональная идентичность. Приграничная идентичность.
25. Туристическое конструирование региональной идентичности.
26. Представления о пространстве и понятие региона. Структурные параметры региона.
27. Мировой опыт территориально-государственного строительства.
28. Административно-территориальное деление и его формат.
29. Топонимика административно-территориальных единиц.
30. Номенклатура административно-территориальных единиц.
31. Границы территорий и регионов. Лимнология как научная дисциплина.
32. Модели территориального устройства регионов в рамках государственных образований.
33. Социально-политические, экономические и культурные вариации регионального конструирования.
34. Мировой регионализм. Типы регионализаций. Иерархии регионов.
35. Формы и модели экономической интеграции мировых регионов.
36. Региональное сотрудничество на парадипломатическом уровне. Ассоциации регионов.
37. Мондиализм. Метафоры полярности в мировой геополитике.
38. Глобальные экономические и политические проекты в истории.
39. Проблемы Севера и Юга в геополитических концепциях. Проблема Запада и Востока в геополитических концепциях.

40. Теории глобального мира и региональной безопасности.
41. Критика глобализма.
42. Региональное культурное наследие. Подходы и практики его изучения и репрезентации.
43. Культурный обмен и трансфер. Колониализм и колонизация. Внутренняя колонизация. Деколонизация. Переселенческий колониализм.
44. Неоколониализм. Постколониализм. Постколониальная теория.
45. Практики культурной памяти в изучении регионов.
46. Языковая карта мира. Мировые и региональные языки.
47. Языковой регионализм и языковая политика.
48. Международные вспомогательные языки в истории и современности.
49. Реферат по теме персоналии, феномена или значимой работы в регионаловедческих исследованиях (по выбору студента).

3.2. Задания для управляемой самостоятельной работы

1. Написать аннотацию на монографию или сборник статей (список ежегодно обновляется и предоставляется студентам на первом занятии).

2. Тема 2. Теоретические подходы к изучению региональных процессов на макроисследовательском уровне (2ч (ДО)).

Подготовить мини-презентацию слайд по выбранной персоналии и термину в виде ментальной схемы или инфографики для включения в общий коллаж.

(Форма контроля – Создание коллажа из слайдов на странице курса в LMS Moodle).

3. Тема 8. Модели регионального взаимодействия и сотрудничества (2ч (ДО)).

Подготовить и защитить групповой проект по моделям региональной интеграции в частях света: Европа, Азия, Африка и Ближний Восток, Америка и Океания.

(Форма контроля – Презентация группового проекта в LMS Moodle).

4. ВСПОМОГАТЕЛЬНЫЙ РАЗДЕЛ

4.1. Содержание учебной дисциплины

Тема 1. Регионоведение в системе научных дисциплин.

Предмет и объект науки. Теоретическое и прикладное регионоведение. Соотношение с дисциплинами территориальные исследования (area studies), региональные исследования (regional studies), региональная наука (regional science). Международная ассоциация региональной науки (1965). Политическая регионалистика и политическая география. Соотношение регионоведения, страноведения и краеведения. Комплексное и проблемное страноведение. Комплексная страноведческая характеристика и отраслевые «страноведения». Краеведение.

Понятие региона и района. Понятие регионализма в политике и идеологии. Трансрегионализм. Программы региональной политики и теории регионального роста в 1970–1990-е гг. Т. Хегерstrand.

Исследовательские области регионоведческой науки. Население и общество рассматриваемой области. Этнические и демографические процессы, миграции. Языковые и конфессиональные процессы. Урбанистические процессы. Экономика, отраслевое развитие, транспорт, финансовый комплекс и инновационное развитие. Потребление и трудовые ресурсы. Политические и электоральные процессы. Региональная конфликтология и лимология. Образ жизни и ментальность. Рекреационные ресурсы в туристической перспективе. Культура и культурные ландшафты. Символическая репрезентация регионов. Воображаемые регионы как модель альтернативных региональных реальностей.

Регионоведение в спектре гуманитарных и социальных наук (история, антропология, фольклористика, этнология, культурология, демография, исследования международных отношений, исследования межкультурной коммуникации и медиа, политология, политэкономика, исследования культуры (cultural studies), социологии развития и исследований проблем устойчивого развития, стратегические исследования, гендерные исследования, диаспоральные исследования, исследования миграций, исследования окружающей среды и экономики).

Регионоведение в системе исследовательских парадигм. Модернизационная теория. Критическая теория. Мир-системный анализ. Пространственный поворот (Э. Кассирер. М. Фуко). Спатиализация. Лингвистический поворот. Географические и социально-гуманитарные категории регионоведения (Пространство. Территориальность. Место (локальность), Сообщество. Граница). Региональные идеологии.

Ведущие мировые периодические издания, энциклопедические справочники и труды о теории и методике территориальных исследований.

Тема 2. Теоретические подходы к изучению региональных процессов на макроисследовательском уровне.

Классификация подходов к изучению пространств Р.Ф. Туровского. Ментальный, психологический, культурный и лингвистический уровни восприятия регионального пространства. Традиции пространственного, средового, культурно-ландшафтного, топологического и временного подходов к изучению культурных регионов. Сциентистские, феноменологические и постмодернистские подходы к рассмотрению региональных пространств.

2.1. Подходы географической науки. Социально-экономическая или общественная география.

Основные школы социально-экономической географии. Хорология. Антропогеография. Французская школа географии человека. Школа пространственного анализа. Советская районная школа. Теории регионального роста.

К. Риттер, А. Геттнер и хорологический подход. Культура географических и путевых описаний. Л.И. Мечников и В.П. Семенов-Тянь-Шанский.

Теория «единого поля» американского географа С. Джонса. Функциональный подход Р. Хартхорна и Ж. Готтмана. Стратегический, исторический, морфологический подходы в политической географии. Развитие в 1960-е гг. электоральной географии и типологии стран по комплексу признаков. Ландшафтный и структурный подходы для культурно-географического районирования.

Феномен региональной географии. Академическая традиция «региональных описаний» в англо-американской среде. Дихотомия аналитической и синтетических парадигм. Р. Хартхорн и разделение региональной и систематической географии. Субъективность и синтетичность региональной географии. Классификация проблем региональной географии Дж. Патерсона.

Историческая область. Природная зона. Физико-географический регион. Экорегион. Модель «центр-периферия» Дж. Фридманна. Центр-периферийная полярность по С. Роккану. Периферийный капитализм. Школы пространственного анализа в географии. У. Айзард. Теория организации экономического пространства А. Лёша. Теория центральных мест В. Кристаллера. Радикальная география. У. Бунге. Понятие спатIALIZации. Изучение пространственного порядка.

2.2. Историко-социологические и экономические подходы.

Понятие социального пространства. Рефлексия пространственных отношений у Г. Зиммеля. Вклад социологов И. Гофман, Э. Гидденс, П. А. Сорокин, П. Бурдьё, П. Бергер, Т. Лукман, Э. Шилз (центро-периферийные отношения), Дж. Урри, А. Ф. Филиппов.

Понятие культурно-исторического макрорегиона. Культура, цивилизация и регионализм. Локальные цивилизации и плюрално-циклический взгляд на

историю. Осмысление различия стран, народов и территорий у Дж. Вико, Ш. Монтескье, Ж.Ж. Руссо и Вольтера. Классификационный подход к описанию народов. И. Г. Гердера. В. и А. фон Гумбольдты и их вклад в регионоведческие исследовательские программы европейских университетов 19 в. Расовая теория Ж. Гобино. Г. Рюккерт. Н.Я. Данилевский, «Россия и Европа» (1869) и теория культурно-исторических типов. Критика европоцентризма у О. Шпенглера. Цивилизационная концепция А. Тойнби. Критика цивилизационного подхода. «Столкновение цивилизаций» С. Хантингтона.

Формационный подход К. Маркса и Ф. Энгельса. Спецификация азиатского способа производства в трудах Л.С. Васильева.

Изучение образов регионального пространства в истории. Школа Анналов. Ф. Бродель. Теоретические проблемы мировых геополитических циклов. И. Валлерстайн. Три цикла гегемонии. Сдвоенная модель Кондратьева-Валлерстайна.

Теория модернизации в период после Второй мировой войны. Концепции нового индустриального государства и конвергенции двух мировых систем. Период роста. Т. Парсонс. Р. Арон, Дж. К. Гэлбрейт. Социальная стратификация. Теория конвергенции. Теории технологических революций Э. Тоффлера. Теория информационализма. Постиндустриальное общество Д. Белл. Антимодернизационные теории. Э. Гидденс. Радикализация Модерна. У. Бек и его концепция «Второго модерна». Возвращение модернизационных теорий в период неолиберализма. Ш. Н. Эйзенштадт и концепция множественных модерностей (multiple modernities). З. Бауман и критика глобализма.

Экономические теории. Меркантилизм. Протекционизм. Теория экономической инсуляции. Теория догоняющих стран. Общая региональная доктрина У. Айзарда. Теория полюсов роста Ф. Перру и Й. Шумпетера. Теория эндогенного роста. Теория экономического районирования и территориально-производственных комплексов. Теория конкурентоспособности государства М. Портера. Теория промышленных и региональных кластеров. Теория преференциального протекционизма.

2.3. Геополитические и геоэкономические подходы.

Реалистическая и идеалистическая традиции в геополитике. Идеи геополитического содержания в период Раннего Нового времени. Н. Макиавелли. К. Клаузевиц.

Развитие немецкоязычной общественно-политической мысли в контексте процессов объединения Германии и изучения пространств и народов. Идеи экономической автаркии (Ф. Лист, Р. Челлен). Фридрих Ратцель. Законы пространственного роста государств (1896); Политическая география (1897). Определение Ф. Ратцелем государства. Понятия почвы (Boden) и народа (Volk) и жизненного пространства (Lebensraum), мировой державы (Weltmacht). Семь законов пространственного роста государства. Рудольф Челлен. Великие державы: очерки из области современной большой политики (1914), Государство как форма жизни (1916). Развитие идей Ф. Ратцеля и Р. Челлена в концепции

Центральной (Срединной) Европы. Ф. Науманн. Геополитические взгляды К. Хаусхофера. Концепция панрегионализма. Карл Шмитт и концепция «Номоса земли».

Англо-саксонская традиция изучения макрорегиональных процессов. Доктрина Монро. Альфред Тайер Мэхэн. Влияние морской силы на историю (1660–1783) (1890). Хэлфорд Маккиндер и его теория Хартленда (Сердцевинной земли). Хартленд и страны «внутреннего» и «внешнего полумесяца». Отказ от геополитического изоляционизма США в трудах американских мыслителей. Модель «Хартленд-Римленд» Н. Спикмена. Саул Коэн «География и политика в разделенном мире» (1963). Теория зон жизненных интересов. Дж. Киффер. Концепция полицентризма и баланса геостратегических сил С. Коэна. Дм. Кицикис и концепция промежуточного региона.

Подходы западников и славянофилов к рассмотрению макрорегиональных процессов. Центральная и Восточная Европа в панславистической перспективе. Идеи «славянской взаимности» П. Шафарика и Й. Добровского. В. И. Ламанский и работа «Три мира Азийско-Европейского материка». Основные геополитические идеи В. П. Семенова-Тян-Шанского. Геополитическая концепция евразийства. П. Н. Савицкий. Концепция месторазвития. Концепция культурно-исторических регионов Н.С. Трубецкого. А. Г. Дугин. Фундаменталистские теории.

Особенности французской геополитической мысли. Поль Видаль де ла Блаш «Принципы географии человека» (1922). Французское понимание цивилизации и культуры. Концепция POSSIBILISME. Жан Ансель «География границ» (1938). Альберт Деманжон «Упадок Европы» (1920). Концепции «front de colonisation» как модель активизация региональной политики государства. Представления о принципах геополитики Жана Готтманна «Политика государств и их география» (1952). Иконографическое направление в политической географии. Циркуляция иконографий как модель культурного влияния и обмена.

Геополитическое устройство мира по А. Страусу и Й. Галтунгу. "Новые правые" и их подходы к интерпретации мировых региональных процессов. Ж. Тириар и концепция «юной Европы» – «Европа до Владивостока». А. де Бенуа, Ж. Парвулеско, Р. Стойкерс, Й. фон Лохаузен, М. Тарки. Группа «Геродота». И. Лакост. Левый взгляд на геополитические процессы. Журналы «Стратегия, география, идеология», «Журнал географии и геополитики». Понятие «внутренней геополитики». М. Фуше. Европейская геополитическая обсерватория. К. Раффестен («О географии власти» (1980). П. Ражо, «Стратегический атлас» (1983) и П. Жорж («Геополитика меньшинств», 1984). «Геополитический словарь» под редакцией И. Лакоста.

2.4. Традиционное страноведение.

Практики регионального описания и изучения на начальном периоде модернизации в Германской, Российской и Австро-Венгерской империях. Остфоршунг - немецкое изучение Востока.

Регионоведческие макродомены. Европеистика (в т. ч. славистика, романистика, германистика, балканистика, центрально-европеистика, иберистика, скандинавистика). Востоковедение (в т.ч. кавказоведение, китаистика, индеанистика, тюркология и др.). Американистика (в т. ч. Латиноамериканистика). Африканистика. Океанистика. Советология и исследования постсоветского пространства.

Лингвострановедение.

2.5. Комплексные региональные исследования.

Концепция территориально-политической организации общества Н.Н. Баранского. Теория районирования Н.Н. Баранского. Теория территориально-производственных комплексов Н.Н. Колосовского. Теория Больших многомерных пространств В.А. Дергачева. Теория комплексных географических характеристик. Пространственный анализ. Пространственная дескриптивная статистика.

Тема 3. Теоретические подходы к изучению региональных процессов на микроисследовательском уровне.

3.1. Этнокультурные подходы. Подходы к изучению этнокультурных процессов в пространстве. Территория в концепциях эволюционистской теории, диффузионизма, функционализма. Теория культурных кругов. Диффузия инноваций. Ассимиляция, аккультурация, инкультурация, культурная апроприация, транскulturация. Интеркультурные пространства. Историко-культурные области.

Этноцентрические образы мира. У. Самнер. Европоцентризм. Этнопсихология. Генетический подход. В. Вундт. Школа психологии народов. Этнические стереотипы. Метафора Золотого миллиарда.

Модель стилей международных конфликтов. Поликультурализм. Принципы межкультурной коммуникации. Типология культурных измерений Хофстеде. Теория «поддержания лица» (идентичности) в переговорах.

3.2. Феноменологический подход. «Камеральная статистика» и традиции изучения территорий в период становления современных европейских государств. Государствоведение и становление национальных традиций регионоведческих исследований. У. Петти. А. Г. Ганивет. Й. Цвиич. Непрезентативная теория. Н. Трифт.

3.3. Подходы гуманитарной и социальной географии. Методологический поворот в теоретико-географических исследованиях в 1960-1980-х гг. Гуманитарная география. География городов. Социальная география. Общественная география Г.А. Дружинина. Бихевиористский подход и поведенческая география. География культуры. Политическая география. Р. Хастхорн. Теоретическая география и подходы к районированию И. Родомана. И-Фу Туан.

«Новая» политическая география. А. Зигфрид. С. Роккан. Международные журналы “Political Geography Quaterly”. «Geopolitics and International

Boundaries». «Геродот» (Herodote). Концепция географического места и контекстуальный подход Дж. Эгню.

Когнитивная география. Структура географии культуры А.Г. Манакова и ее регионоведческий потенциал. Гуманистическая география. К. Зауэр и понятие «культурного ландшафта». Культурная география и «наивная география» как инструмент регионалистской репрезентации. «Московский дневник» Вальтера Беньямина как пример культурно-географического описания. Имагинальная география.

География символов, ментальная география, эстетическая география, геотопонимика и геосемантика. Оценки регионального ранжированию мира в поведенческой, феминистской, марксистской, постструктуралистской географиях.

3.4. Диапазон междисциплинарных подходов.

Когнитивно-географический подход и изучение образов стран и регионов. Понятия ментального пространства, культурного пространства, лингвистического пространства. Анализ публикаций СМИ и социальных сетей для рассмотрения позиционирования регионов мира.

Коммуникативные подходы к изучению знаковых комплексов региональных конструкторов. У. Эко, Р. Якобсон, Р. Барт, Ж. Деррида. Детерриториализации и ретерриториализации в рамках геофилософии и геоистории. Ж. Бодрийяр и симулякры пространств. Подходы к историко-философскому осмыслению пространства (М. Элиаде. Г. Башляр. М. Фуко, Ж. Делез и Ф. Гваттари. В.А. Подорога).

Мифогеографическое измерение географической науки. География восприятия (perceptual geography) ментальных карт. Воображаемые пространства. Воображаемые географии. Эдвард Сайд. М. Годорова «Воображая Балканы». Сравнение с концептом «воображаемых сообществ» Б. Андерсона. Цивилизационная идентичность и метагеография.

Критическая геополитика Р. Эшли и «диссидентское» направление теории международных отношений. С. Дэлби. Понятие «высокой» и «низкой» геополитики. Дж. О'Тоал. К. Доддс.

Лингвистический инструментарий изучения и описания регионов. Геополитика языка: геополитические образы в языковой динамике.

Регионоведческий потенциал акторно-сетевой теории.

Тема 4. Методы регионоведческих исследований.

Теоретические основания моделирования образов регионов и стран. Структура образа страны. Геополитические и геокультурные образы. Образное и объяснительное описание. А. Геттнер. Понятие «бриколажа». Синтетический путь в страноведческой характеристике. Э. Реклю. Методические приемы создания комплексных культурно-географических характеристик территорий. гуманистические описания, нарративно-описательный подход. Метафора палимпсеста. Дж. Вервло.

Квантитативные методы в регионоведении. Квалитативные методы в регионоведении. Методы анализа СМИ и социальных сетей, экспертного знания.

Тема 5. Структура регионоведческого исследования.

Методология исследования регионализации. Концентрация и стратификация для изучения пространственных процессов. Формальные (формализованные) ячейки. Районирование. Гомогенные, или формальные, районы. Узловые, или функциональные, районы.

Конструирование знания о регионе. Процедуры наблюдения и описания: образные культурно-географические проблемы. Роль метатеоретических установок: мифология, стереотипизация. Доминантное мышление и множественность реальностей региона.

Изучение процессов формирования и развития региональных образов. Внутренние факторы. Природный субстрат территории. История освоения территории. Социальная структура населения. Система расселения. Отраслевая структура хозяйства.

Географическое моделирование региональной структуры. Модель отношений "центр - периферия". Иерархический подход. Концепция территориального градиента. Хорологический подход. Компаративистский подход. Системный и структурно-функциональный подходы. Политико-культурный подход. Элитистский подход. Конфликтологический подход.

Внешние факторы. Географическое положение территории. Роль территории в истории региона, страны, макрорегиона. История восприятия территории. Процедуры наблюдения и путешествия. Изменения в области картографии.

Понятие репрезентации региона. Типологии региональных пространств по характеру динамики и по различию внешних и внутренних факторов развития пространств. Понятие географического образа и его семиотическое наполнение в культурно-географических исследованиях. Образно-географическое «зондирование» региона. Географическая и культурно-историческая самоидентификация региона.

Продукт регионоведческого знания. Экспертные оценки и аналитические записки. Презентация результатов исследования и его применение в сферах политического и экономического лоббинга, культурной политики, образовании, маркетинговой сфере и др.

Тема 6. Идентичность как фактор региональных процессов.

Картографирование региональных объектов. Эволюция подходов к характеристике региональной специфики. Изменения в восприятии путешествий. Изменения в восприятии политики. Литературная форма. Кинематографическая форма. Использование традиционного нарратива,

развивающего мотив экспансии, расширения. Ментальное картографирование. Mind-mapping. Политико-географические образные карты современного мира. Имперские картографические дискурсы. Пространственные модели пар «север-юг» и «запад-восток», «Центр – периферия», «Объект – прототип».

Практики культурной памяти и устной истории в формировании и функционировании региональной идентичности. Символические практики формирования пространственного сознания. Изучение представленности тематики идентичности в региональных и глобальных дискурсах.

Концепции территориальности Р. Сакка, теории национальной, территориальной и политической идентичности Ф. Барта, Э. Геллнера и Э. Хобсбаума и др. Критика примордиалистских концепций образования наций и государства. Конструктивистская традиция описания макросоциальных процессов в географическом контексте.

Туристическое конструирование региональной идентичности. Формирования привлекательности туристских объектов (attraction), создание брендов и туристских направлений (destination image). Взаимосвязь идентичностей внешнего наблюдателя и региона. Понятие вернакулярного района. Identity tourism. Теория социальной идентичности А. Тэшфел.

Территориальная идентичность в географии. Прикладные аспекты территориальной идентичности. Региональная идентичность в политике. Региональная идентичность в предпринимательстве. Территориальная идентичность в брендинге территорий. Локальная идентичность. Региональная идентичность. Приграничная идентичность.

Тема 7. Политико-территориальное измерение региональных процессов.

Представления о пространстве и понятие региона. Структурность и единицы геопространства. Территория. Акватория. Аэротория. Ареал. Зона. Провинция. Область. Анклав. Концентрация и стратификация. Типы пространственных образований. Принципы организации пространства.

Понятие региона. Пространство и территория региона. Структурные параметры региона, его географические определители, пространственные, территориальные, категории места, сообщества и границы.

Факторы регионализма. Природная среда. Этнический фактор. Демографический фактор. Фактор расселения. Конфессиональный фактор. Геополитический фактор. Социально-экономический фактор. Микронация. Биорегионализм.

Мировой опыт территориально-государственного строительства. Региональная структура государства. Региональная политика. Баланс отношений "Центр - регионы".

Административно-территориальное деление (АТД) как способ моделирования регионов. География административно-территориального деления и местное самоуправление. Возникновение и типы систем АТД и

местного самоуправления в промышленно развитых странах. Дуалистические, горизонтальные и смешанные системы АД. Урбанизация, субурбанизация, «контрурбанизация».

Административно-территориальная единица. Факторы административно-территориального деления. Этнокультурные, исторические, демографические или социально-географические, природно-географические, фактор региональной идентичности. Формальные и неформальные регионы.

Формат административно-территориального деления. Формат единообразия. Автономные регионы. Регионы с особым порядком управления. Регионы с пониженным политическим статусом в составе федераций. Столичные округа. Экстерриториальные единицы. Заморские территории. Оккупированные и «воображаемые» регионы. Неконтролируемые или слабоконтролируемые территории. Нерегулярное и асимметричное АД.

Топонимика административно-территориальных единиц. Морфология АД. Столичность в системе АД. Уровни АД. Сценарии реорганизации АД. Создание новых единиц, изменение статуса отдельных регионов, изменение числа управленческих уровней.

Номенклатура административно-территориальных единиц. Автономная территория, аррондисман, бург, вилайет, воеводство, герцогство, гмина, графство, городские сообщества, городской район, губернаторство, департамент, дистрикт, жудец, жупа, земля, интегрированная заморская территория, кантон, квартал, комитат, коммуна, край, муниципалитет, независимый город, ном, область, община, округ, повят, префектура, провинция, райа, сотня, уезд, федеральная территория, штат, эмират. Модели административно-территориального деления избранных стран.

Границы территорий и регионов. Лимология как научная дисциплина. Политико-административные и неформализованные границы. Пограничные споры. Ж. Ансель. Понятия фронта. М. Фуше и его вклад в изучении лимологии. Лимологические конструкты. Санитарный кордон. Буферная зона. Буферное государство. Государство-сателлит. Спорная территория. Мандатная территория. Протекторат ООН. Метрополия. Колония. Промежуточный регион в концепции Дм. Кицикиса. Государство-обрубок.

Модели территориального устройства регионов в рамках государственных образований. Генезис федерализма и исторические модели федерализации. Факторы федерализации. Классификации федераций. Типы федераций в современном мире. Федерализм. Территориально-политическая специфика федеративного государства. Федерализм как социальная философия. Федерализм как либеральная идеология территориально-государственного строительства. Федерализм как современная политическая теория. А. Лейпхарт. Особенности федеративной территориально-политической системы. Концепции федерализма. Концепция межправительственных отношений. "Частокольный" федерализм. Технократический федерализм. Конкурентный или новый федерализм. Территориально-политическая децентрализация. Асимметричные

процессы и создание регионалистских государств. Постколониальные модели децентрализации.

Социально-политические, экономические и культурные вариации регионального конструирования. Автаркия, автономизм, аграризм, коммунизм, децентрализация, деволуция, глокализм, диллема интернационализации и локализации. Проблематика коренного населения индихенизм. Национализм. Новый локализм. Новый трибализм. Нативизм. Парохиализм. Сектарианизм и региональная конфликтология. Сецессионизм и право на самоопределение. Самодостаточность.

Тема 8. Модели регионального взаимодействия и сотрудничества.

Мировой регионализм. Типы регионализаций. Иерархии регионов. Макрорегионы. Государство. Субрегион. Геополитический регион. Конфликтный регион. Административный регион. Экономический регион. Социокультурный регион.

Типология макрорегионов. Макрорегионы мира по версии Секретариата ООН. Глобальные, межгосударственные, государственные и ведомственные макрорегионы. Концепция еврорегионов ЕС. Экономические макрорегионы. Конструкты макрорегиональных идеологий. Панафриканизм, Панамериканизм, Панаазиатизм, Паневропеизм.

Формы и модели экономической интеграции мировых регионов. Преференциальная зона, зона свободной торговли, таможенный союз, общий рынок, экономический союз, экономический и валютный союз. Внутренняя, внешняя, территориальная, отраслевая, вертикальная, горизонтальная, торговая, производственная, валютно-финансовая интеграция.

Модели экономической интеграции. Вертикальная интеграция. Горизонтальная интеграция. Валютные союзы. Таможенные союзы. Торговые блоки. Аутсорсинг и офшоринг. Решоринг.

Региональные блоки на карте мира. Региональные модели экономической интеграции.

Европа. Европейский союз. Зоны свободной торговли в Европе. Европейская ассоциация свободной торговли. Центрально-европейская ассоциация свободной торговли. Углублённая и всеобъемлющая зона свободной торговли. Союз для Средиземноморья. «Инициатива трёх морей». Зона свободной торговли СНГ. Организация черноморского экономического сотрудничества. Процесс сотрудничества в Юго-Восточной Европе. Вышеградская четверка. Северный совет. Организация за демократию и экономическое развитие – ГУАМ. Постсоветское пространство. Содружество Независимых Государств. Евразийский экономический союз. Евразийское экономическое сообщество.

Северная Америка. Канадско-американское соглашение о свободной торговле. Североамериканская зона свободной торговли.

Арабский Восток. Арабская Лига. Союз арабского Магриба. Агадирское соглашение. Совет сотрудничества арабских государств Персидского залива.

Восточная, южная и юго-восточная Азия. Азиатский диалог сотрудничества. Шанхайская зона свободной торговли. Шанхайская организация сотрудничества. Организация экономического сотрудничества. Азиатско-Тихоокеанское экономическое сотрудничество. Южно-Азиатская ассоциация регионального сотрудничества, СААРК. Ассоциация государств Юго-Восточной Азии. Всестороннее региональное экономическое партнёрство. Южнотихоокеанское соглашение о региональной торговле и экономическом сотрудничестве. Инициатива стран Бенгальского залива по Многоотраслевой Техничко-Экономической Кооперации.

Океания. Тихоокеанский альянс. Форум тихоокеанских островов. Меланезийская инициативная группа.

Латинская Америка. Андское сообщество. Боливарианский альянс для народов нашей Америки. Андское сообщество наций. МЕРКОСУР. Карибское сообщество. Организация Восточно-карибских государств. Союз южноамериканских наций. Центральноамериканский общий рынок. Сообщество стран Латинской Америки и Карибского бассейна. Латиноамериканская ассоциация интеграции. Система центрально-американской интеграции.

Африка. Африканский союз. Африканское экономическое сообщество. Восточноафриканское сообщество. Западноафриканский экономический и валютный союз. Общий рынок Восточной и Южной Африки. Сообщество развития Юга Африки. Союз государств реки Мано. Экономическое сообщество стран Западной Африки. Экономическое сообщество стран Центральной Африки.

Межмакрорегиональные модели сотрудничества. Форум «Азия-Европа». Группа БРИКС. Трансатлантическое торговое и инвестиционное партнёрство. Транстихоокеанское партнёрство. Организация Исламского сотрудничества (ОИС). Азиатско-Тихоокеанское экономическое сотрудничество (АТЭС). Страны Африки, Карибского бассейна и Тихого океана. Арктический экономический совет. Тюркский совет. Форум сотрудничества Китай-Африка. Соглашение об экономическом партнёрстве между Европейским союзом и Японией. Группа 77. Глобальная система торговых преференций между развивающимися странами. Группа 15. Южноатлантическая зона мира и кооперации. Содружество наций. Организация американских государств. Межамериканский договор о взаимной помощи. Организация стран – экспортёров нефти.

Всемирная торговая организация. Международные региональные финансовые организации. Всемирный банк. Международный банк реконструкции и развития. Международный валютный фонд. Европейский банк реконструкции и развития. Европейский инвестиционный банк. Азиатский банк инфраструктурных инвестиций. Азиатский банк развития. Африканский банк развития. Арабский валютный фонд. Исламский банк развития.

Межамериканский банк. Черноморский банк торговли и развития. Евразийский банк развития.

Региональное сотрудничество на парадипломатическом уровне. Ассоциации регионов. Типы трансграничных регионов в Европе. EUREGIO. Мадридская конвенция о трансграничном сотрудничестве, 1980. Классификация территориальных статистических единиц в ЕС (NUTS). Конференция европейских регионов (REGLEG). Региональная политика ЕС. Парадипломатия. Европейский комитет регионов. Комитет регионов Centropre. Европейский фонд регионального развития. Совет европейских муниципалитетов и регионов. Форум региональных органов управления и глобальная ассоциация регионов. Ассамблея европейских регионов. Сеть городов-побратимов и партнерских регионов. Всемирная федерация породнённых городов. Объединённые города и местные власти.

Регионалистские политические партии, движения, идеологии и организации. Евроскептицистские партии и движения ЕС. Регионализм в контексте международных отношений и внутренней политики. Соотношение с понятием регионализации. Регионализм и локализм.

Региональное измерение ирредентистских движений. Панарабизм. Пантюркизм, паниранизм, панславизм, пангерманизм. панфинно-угризм. Ирредентистские движения в Восточной Европе и на постсоветском пространстве. Немецкий и итальянский ирредентизм в истории. Польский, венгерский, греческий, сербский, румынский, албанский, армянский, курдский, каталонский. Понятие государства-обрубка. Балканизация. Доктрина Синатры.

Тема 9. Регионы мира в перспективе глобализационных процессов.

Мондиализм. Метафоры полярности в мировой геополитике. Однополярность и многополярность.

Великая держава. Сверхдержавы. Гипердержава. Энергетическая сверхдержава. Потенциальная сверхдержава. Региональная держава. Сфера влияния. Талассократические и телурократические державы. Баланс сил. Большая игра. Теория сдерживания Дж. Кеннан. Внешнеполитическая концепция отбрасывания. З. Бжезинский. Метафора «Великой шахматной доски». Новая большая игра.

Глобальные экономические и политические проекты в истории. План Маршалла. Совет экономической взаимопомощи. Новый шелковый путь. Один пояс и один путь. Всестороннее региональное экономическое партнёрство.

Проблемы Севера и Юга в геополитических концепциях. Проблема Запада и Востока в геополитических концепциях.

Региональные интеграционные процессы. Регионализм и глобальная система «Старый» регионализм. «Новый» регионализм. Азиатский регионализм.

Теории глобального мира и региональной безопасности. Копенгагенская школа исследований мира: основные концепции. Региональный комплекс безопасности. Секьюритизация. Центрированный комплекс безопасности.

Комплекс безопасности вокруг сверхдержавы. Типы государств (слабые и сильные). Теория кластеров регионального мира и безопасности Компаративный регионализм. Критика теорий «нового» регионализма. Теории районирования; вульгарный регионализм; «новый» институционализм; умозрительный регионализм; экономический регионализм; политический регионализм; «другой» регионализм.

Политическая экспансия. Экономическая экспансия. Культурная экспансия.

Теория глобализации. Региональное разделение труда. Релокализация. Макиладора. Торговля. Революция контейнерных перевозок. Малком Маклин.

Альтернативные модели глобальных процессов. Альтерглобализм. Глокализация. Критика глобализма. Глобалистика. Глобальное управление. Глобальное общество. Глобальный город. Культурная гомогенизация. Макдональдизация. Парадокс глобализации Дэни Родрика. Теории биорегионализма. Локализация и страны Третьего мира.

Тема 10. Историко-культурное измерение региональных процессов.

Региональное культурное наследие. Подходы и практики его изучения и репрезентации. Герменевтика культурного ландшафта и пространства. Теория путешествий. В.Л. Каганский.

Культурный обмен и трансфер. Колониализм и колонизация. Внутренняя колонизация. Деколонизация. Переселенческий колониализм.

Неоколониализм. Постколониализм. Постколониальная теория. Теория зависимости. Региональные исследования в постколониальной перспективе. Х. Бхабха. Г. Ч. Спивак. Мультикультурализм. Теории и критика. Гибридность, мимикрия и амбивалентность в межкультурных процессах. Д. Грегори и «Географические воображения» и их роль в межкультурной коммуникации.

Практики культурной памяти и ресентимента. Символика культурного пространства. *Pax Romana*, *Pax Americana*, *Pax Britannica*, *Pax Europaea*, *Pax Hispanica*, *Pax Sovietica*, *Pax Sinica* и др.

Тема 11. Язык и дискурсы репрезентации региона.

Языковая карта мира. Мировые и региональные языки. Языковой регионализм. Языковая политика. Европейская хартия региональных языков. Плюрицентрические языки.

Международный вспомогательный язык, естественные языки (древнеегипетский, арамейский, древнегреческий, латинский, современные официальные языки ООН и др.). Межъязыковые жаргоны (лингва франка и др.) пиджин. Искусственные международные вспомогательные языки: глобальные (эсперанто) и зональные (межславянский и африхили). Зонально-сконструированные языки.

Официально многоязычные страны и регионы. Языковая гегемония и культурная ассимиляция. Англизация, германизация, галлизация и др.

Культурная гегемония по А. Грамши. Билингвизм и мультилингвизм в региональных процессах. Проблема языкового трансфера.

Понятие дискурса в гуманитарных науках. Дискурсивные способы описания пространственно-временных процессов.

4.2. Вопросы к зачету

1. Предмет и объект науки. Теоретическое и прикладное регионоведение.
2. Становление регионоведения как науки и его связь с родственными дисциплинами территориальные исследования (area studies), региональные исследования (regional studies), региональная наука (regional science).
3. Понятие региона и района. Понятие регионализма в политике и идеологии.
4. Исследовательские области регионоведческой науки.
5. Регионоведение в спектре гуманитарных и социальных наук
Регионоведение в перспективе модернизационной теории
6. Подходы географической науки к регионоведению. Социально-экономическая или общественная география.
7. Историко-социологические и экономические подходы к изучению региональных процессов.
8. Геополитические и геоэкономические подходы к изучению региональных процессов.
9. Регионоведение и традиционное страноведение.
10. Комплексные региональные исследования.
11. Этнокультурные подходы к изучению региональных процессов.
12. Подходы гуманитарной и социальной географии к изучению региональных процессов.
13. Междисциплинарные подходы в регионоведении.
14. Методика хронологического исследования.
15. Квантитативные методы в регионоведении.
16. Качественные методы в регионоведении.
17. Конструирование знания о регионе. Процедуры наблюдения и описания.
18. Сбор и изучение эмпирических данных о регионе.
19. Статистические данные в регионоведческом исследовании.
20. Теоретический уровень исследования.
21. Продукт регионоведческого анализа.
22. Символические практики формирования пространственного сознания.
23. Конструктивистская традиция описания макросоциальных процессов в географическом контексте.
24. Локальная идентичность. Региональная идентичность. Приграничная идентичность.
25. Туристическое конструирование региональной идентичности.
26. Представления о пространстве и понятие региона. Структурные параметры региона.
27. Мировой опыт территориально-государственного строительства.
28. Административно-территориальное деление и его формат.
29. Топонимика административно-территориальных единиц.

30. Номенклатура административно-территориальных единиц.
31. Границы территорий и регионов. Лимнология как научная дисциплина.
32. Модели территориального устройства регионов в рамках государственных образований.
33. Социально-политические, экономические и культурные вариации регионального конструирования.
34. Мировой регионализм. Типы регионализаций. Иерархии регионов.
35. Формы и модели экономической интеграции мировых регионов.
36. Региональное сотрудничество на парадипломатическом уровне. Ассоциации регионов.
37. Мондиализм. Метафоры полярности в мировой геополитике.
38. Глобальные экономические и политические проекты в истории.
39. Проблемы Севера и Юга в геополитических концепциях. Проблема Запада и Востока в геополитических концепциях.
40. Теории глобального мира и региональной безопасности.
41. Критика глобализма.
42. Региональное культурное наследие. Подходы и практики его изучения и репрезентации.
43. Культурный обмен и трансфер. Колониализм и колонизация. Внутренняя колонизация. Деколонизация. Переселенческий колониализм.
44. Неоколониализм. Постколониализм. Постколониальная теория.
45. Практики культурной памяти в изучении регионов.
46. Языковая карта мира. Мировые и региональные языки.
47. Языковой регионализм и языковая политика.
48. Международные вспомогательные языки в истории и современности.

4.3. Рекомендуемая литература

Основная литература:

1. Воскресенский А. Д. Мировое комплексное регионоведение : Учебник / Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации. – М.: Издательство "Магистр", 2023. – 416 с.
2. Гладкий, Ю. Н. Регионоведение : учебник для вузов / Ю. Н. Гладкий, А. И. Чистобаев. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва : Издательство Юрайт, 2023. – 393 с.
3. Государственное управление региональным развитием : учебник для студентов высших учебных заведений, обучающихся по социально-экономическим направлениям / [авт. коллектив: Л. В. Адамская и др.] ; под ред. С. Е. Прокофьева, И. А. Рождественской, Н. Л. Красюковой. – Москва : Юрайт, 2022. – 331 с.
4. Регионоведение: учебник для СПО : для студентов образовательных учреждений среднего профессионального образования / под редакцией И. Н. Барыгина. – 2-е изд. – Москва : Юрайт, 2023. – 390 с.

Дополнительная литература:

1. Алепко, А. В. Основы регионоведения : учеб. пособие / А. В. Алепко. – 2-е изд., испр. и доп. – Хабаровск: Хабаровский государ. ин-т культуры, 2019. – 335 с.
2. Баранова, О. И. Area Studies. Регионоведение : учеб. пособие : в 2 ч. / О. И. Баранова, Л. В. Назарова. – СПб.: Изд-во СПбГУЭФ, 2010. – 2 ч.
3. Барыгин, И. Н. Международное регионоведение : основные категории и законы, региональные элиты и политика, региональные конфликты : учебн. / И. Н. Барыгин. – СПб : Питер, 2009. – 380 с.
4. Гладкий, Ю. Н. Регионоведение : учебн. для студент. вузов / Ю. Н. Гладкий, А. И. Чистобаев. – М. : Гардарики, 2002. – 382 с.
5. Дергачев, В. А. Регионоведение: Учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по специальностям 350300 «Регионоведение», 350200 «Международные отношения» / В.А. Дергачев, Л.Б. Вардомский. – М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2017. – 463 с.
6. Донских, С. В. Современный регионализм: становление и перспективы / С.В. Донских // Культура, наука, образование в современном мире: материалы V межд. науч. конф.; редкол.: Л.Л. Мельникова [и др.]. – Гродно, 2011. – С. 142–147.
7. Замятин, Д. Н. Моделирование образов историко-культурной территории: методологические и теоретические подходы / Д. Н. Замятин, Н. Ю. Замятина, И. И. Митин ; под ред. Д. Н. Замятина (отв. ред.). – М. : Институт Наследия, 2008. – 760 с.

8. Иванова, М. В. Введение в регионоведение : учеб. пособие для студент. вузов, обучающ. по направ. подготовки (специал.) «Зарубежное регионоведение» / М. В. Иванова ; М-во образования и науки Рос. Федерации, Гос. образовательное учрежд. проф. образования «Нац. исследов. Томск. политехнический ун-т». – Томск : Изд-во Томского политех. ун-та, 2011. – 174 с.
9. Игнатов, В. Г. Регионоведение : учеб. пособие для студент. вузов / В. Г. Игнатов, В. И. Бутов. – 3. изд., перераб. и доп. – М. ; Ростов н/Д : МарТ, (ГУП Сарат. полигр. комб.), 2004. – 526, [1] с.
10. Калякина, А. В. К вопросу о формировании понятийно-терминологической базы регионоведения / А. В. Калякина // Вестник Московского университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2018. – № 2. – С. 128–135.
11. Киреев, А. А. Понятие «Регион» и Предметно-методологические проблемы регионоведения / А. А. Киреев // Регионалистика. – 2014. – № 1 (1). – С. 18–32.
12. Колосов, В. А. Геополитика и политическая география : учебн. для вузов / В. А. Колосов, Н. С. Мироненко. – М.: Аспект Пресс, 2005. – 479 с.
13. Кремнёв, Е. В. Трансдисциплинарная регионология: теория и методология : моногр. / Е. В. Кремнёв, О. В. Кузнецова, Е. В. Лесниковская ; под ред. Е. Ф. Серебренниковой. – Иркутск : Изд-во ИГУ, 2020. – 155 с.
14. Михайленко, Е. Б. «Старый» и «новый» регионализм: теоретический дискурс : курс лекций : учеб. пособие / Е. Б. Михайленко ; под ред. М. М. Лебедева; М-во образования и науки Рос. Федерации, Урал.Федерал. ун-т. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2014. – 116 с.
15. Нартов, Н. А. Геополитика: учебн. для студент. вузов, обучающ. по специал. «Государственное и муниципальное управление», «Международные отношения», «Регионоведение» / Н. А. Нартов, В. Н. Нартов ; под ред. В. И. Староверова. – 5-е изд. – М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2017. – 639 с.
16. Павловский, И. В. Социокультурное регионоведение как гуманитарная специальность / В. И. Павловский // Вестник Московского университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2014. – № 2. – С. 102–109.
17. Погодина, В. Л. Регионоведение (избранные лекции по дисциплине) : учеб. пособие / В. Л. Погодина, А. С. Матвеевская. – СПб.: ФГБОУВПО «СПГУТД», 2015. – 173 с.
18. Туровский, Р. Ф. Политическая регионалистика : учеб. пособие для вузов / Р. Ф. Туровский. – М. : ГУ ВШЭ, 2006. – 465 с.
19. Харви, Д. Состояние постмодерна: Исследование истоков культурных изменений / Д. Харви ; под ред. А. Павлова ; пер. с англ.

Н. Проценко ; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2021. – 576 с.

20. Цыренов, О. Ч. Регионализация и регионализм: понятие и классификация / О. Ч. Цыренов // Вестник Забайкальского государственного университета, – 2012. – № 9. – С. 35–39.

21. Ahram, A. I. Comparative area studies: methodological rationales and cross-regional applications / eds. : A. I. Ahram, P. Köllner, R. Sil. – New York : Oxford University Press, 2018. – 300 s.

22. Bromberg, S. J. Area studies in the global age: community, place, identity / eds. : E. W. Clowes, S. J. Bromberg. – DeKalb, Ill. : NIU Press, 2016. – 316 p.

4.4. Электронные ресурсы:

1. Национальная библиотека Беларуси [Электронный ресурс] / Электронный каталог. – Минск, 2023. – Режим доступа : <https://www.nlb.by>. – Дата доступа : 29.05. 2023.

2. Электронная библиотека БГУ [Электронный ресурс] / Учебные материалы исторического факультета. – Минск, 2023. – Режим доступа : <http://elib.bsu.by>. – Дата доступа : 29.05. 2023.